
МАЯК
НА КРАЮ
ЗИМЫ

Антон Елисеев

Маяк на краю зимы

«Автор»
2026

Елисеев А.

Маяк на краю зимы / А. Елисеев — «Автор», 2026

На северном архипелаге Нордваль зимние штормы отводит маяк «Край». Но за его защиту платят годами человеческой жизни — и чаще всего те, кто не может возразить.Картограф Элина Арден приезжает исправлять опасные морские карты и находит следы другой системы огней, способной дать островам шанс. Капитан спасательной шхуны Даниэль Вейр знает: ошибочный расчёт может погубить целую бухту. И за его собственным молчанием тоже тянется долг.Пока к берегам приближается настоящий шторм, Элине и Даниэлю придётся проверить опасную гипотезу, бросить вызов привычному порядку и научиться доверять друг другу. Ведь защитить людей — ещё не значит получить право решать, кто заплатит за их спасение.

© Елисеев А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Часть I. Огонь за чужой счёт 5
Глава 1. Чужие глубины 5
Глава 2. Капитан и горизонт 14
Глава 3. Полоса тихой воды 21
Глава 4. Малый огонь 29
Глава 5. Шесть часов света 35
Глава 6. Трое постарели 42
Конец ознакомительного фрагмента. 43

Антон Елисеев
Маяк на краю зимы

Часть I. Огонь за чужой счёт

Глава 1. Чужие глубины

Тихая Гавань встретила Элину не тишиной.

За полчаса до причала паром начал подавать короткие гудки, а из тумана отвечали то один, то другой береговые рожки. В каюте дребезжала жестяная миска, оставленная на столе ещё за завтраком; по мокрым доскам верхней палубы катились пустые бочки. Элина стояла у поручня с дорожной сумкой под локтем и считала промежутки между сигналами. К северу море было белым от ветра, хотя в защищённой бухте вода едва морщилась. Такое соседство она любила меньше всего: на хороших картах у него всегда имелось объяснение, на плохих оно служило источником несчастий.

— Картограф? — спросил проходивший мимо матрос.

— Это так заметно?

— Вы единственная, кто смотрит на вход, а не на берег. Остальные уже ищут, куда денут багаж.

— А вы знаете, где заканчивается главная промерная линия?

Матрос остановился, прижимая к груди бухту мокрого троса.

— Знаю, где у нас заканчивается глубина под килем. Когда начнёт кончаться, капитан первым закричит.

Он ушёл, оставив Элину с не самым обнадёживающим ответом.

Третьего декабря день на Нордвале наступал поздно и, кажется, собирался сразу перейти в вечер. На правом берегу из тумана выползали крыши складов — чёрные, с заплатами нового железа. Над ними шёл дым, который ветер прижимал к земле. Дальше поднимались дома с узкими окнами, окружённые ступенчатыми каменными стенами. Между домами тянулись верёвки для просушки сетей. Сети не сохли; на них висели тяжёлые бусины льда.

Остров Варна выглядел не так, как на рисунке, приложенном к договору. Там его показывали с восточной стороны, при летнем солнце, и на переднем плане зачем-то росли цветы. Рисунок обещал спокойную морскую державу с благополучными городками. Настоящий порт выказывал иные достоинства: он работал.

На нижней палубе уже спорили грузчики. Старший требовал сначала выгрузить ящики с мукой, судовой агент — ящик с каким-то гербовым знаком, который ни в коем случае нельзя было ставить под дождём. Элина не вмешивалась. Свои инструменты она не доверила ни первым, ни вторым. Тяжёлый футляр с лотом стоял у её ноги; деревянный ящик с хронометром и измерительной оснасткой она везла на коленях все последние два часа, потому что болт в его креплении неожиданно ослаб.

Погрузчик на причале поднял стрелу. Паром тряхнуло о кранцы.

— Госпожа с чемоданами! — закричали снизу. — Вас кто-нибудь встречает?

— Не знаю.

— Как это — не знаете?

— Мне обещали портовую службу. Какая именно её часть умеет встречать людей, в договоре не написано.

Грузчик хохотнул.

— Значит, точно из управления.

Элина спустилась по трапу, удерживая футляр за ремень. Под ногами липла смесь рыжей глины и угольной крошки. Она поставила ящик на сухой деревянный поддон, достала из кармана сложенный лист с печатью и огляделась.

Встречавший нашёлся спустя десять минут. Это был худощавый молодой служащий с мокрой фуражкой. Он назвал её по фамилии, сверил бумагу и сразу предложил отправить приборы на склад.

— Там отапливают? — спросила Элина.

— Что?

— Склад. Тёплый или нет?

— Не знаю. Склад как склад.

— Тогда приборы поедут со мной.

— Но у нас порядок.

— У меня тоже. Если промерный хронометр всю ночь пролежит на морозе и утром даст неправильную поправку, ваш порядок не возьмёт за него ответственность.

Служащий посмотрел на футляр с таким выражением, будто внутри сидело больное животное.

— Я доложу начальнику порта.

— Доложите, что приборы целы. Для первого дня это уже неплохо.

Он взялся за один из ящиков и едва его поднял.

***

В портовой приёмной было жарко. Между печью и дверью висела карта архипелага на пожелтевшем полотне: четыре населённых острова — Варна, Рифный, Ясень и Медный — окружали рассыпанные по морю камни, названия которых невозможно было прочитать с расстояния двух шагов. Возле стены стояли сапоги разных размеров, на сушилке капали чужие плащи. Из-за перегородки пахло горячим луком.

Элина сняла промокшую косынку и сразу пожалела: волосы прилипли к вискам, а пальцы от холода слушались плохо. Она спрятала руки в рукава, пока служащий ходил докладывать о её прибытии.

На столе лежал журнал заходов. В последней строке кто-то написал карандашом: «Лодка вернулась без улова, повреждён правый борт». Следующая запись касалась переноса парома из-за недостаточной глубины у старого причала. Ни одна не была помечена как чрезвычайная.

Элина раскрыла блокнот. На первой странице стояла дата — 3 декабря — и список приборов. Под ним она добавила: «Приём судового журнала: отсутствует. Погода: ветер СЗ, порывистый. Видимость в воротах — по наблюдению с палубы недостаточна». Последние слова подчеркнула красным.

— Вы уже составили жалобу?

Мужчина, вошедший со стороны кабинетов, говорил негромко, но все вокруг сразу перестали шелестеть бумагой.

Ему было около пятидесяти пяти. Плечи тяжёлой форменной куртки побелели от соли, и на правом рукаве чернела полоска свежего машинного масла. Он не походил на кабинетного начальника: ногти коротко обрезаны, одна рука потемнела от привычной работы с металлическими деталями. Однако служащий с фуражкой поднялся так поспешно, что задел стул.

— Ивар Келл, начальник порта, — представился мужчина. — Вы, стало быть, Арден.

— Элина Арден.

— До Нового года вряд ли успеем перерисовать всё море, госпожа Арден.

— Я и не собиралась.

— Приятно слышать.

— Я собиралась исправить глубины там, где суда садятся на камни.

Его взгляд задержался на её блокноте.

— Значит, всё-таки жалоба.

— Пока что наблюдения.

Ивар посмотрел на помощника.

— Отнеси госпоже Арден горячего чая. И проследи, чтобы её вещи не потеряли. У нас нынче один из тех дней, когда все уверены, что чужой груз менее важен собственного.

— Мои приборы должны остаться в тёплом помещении, — напомнила Элина.

— Вот видите. Уже двое в этом порту считают свои вещи самыми важными.

Он предложил пройти в кабинет.

Там было холоднее, чем в приёмной. Окно выходило на внутренний рейд, где два грузовых судна стояли носами к ветру. На подоконнике высился горшок с засохшей травой, рядом лежали шкиперские перчатки. Из стены торчал один гвоздь; судя по светлому прямоугольнику, на нём долго висел портрет.

Ивар снял со шкафа большой тубус, вытряхнул карту на стол и прижал углы четырьмя металлическими грузами.

— Игольные ворота. Главная причина вашего приезда. Пять посадок на камни за два сезона, если считать ту, где судно само снялось. На остальных — проклятая привычка капитанов жаться к восточному мысу.

— В заключении, которое мне прислали, указано семь.

— Две были лодками.

— Лодкам тоже требуется глубина под килем.

— Лодкам требуется осторожный хозяин, — сказал Ивар. — Вы против осторожности?

— Её трудно нанести на карту. Зато глубины можно.

Он не засмеялся, но угол рта дрогнул.

Элина наклонилась над листом. Масштаб в целом соответствовал данным, полученным на материке, и береговая линия не имела грубых искажений. Однако на северном конце Варны, перед мысом с главным маяком, сеть промерных линий редела, а затем обрывалась совсем. Вместо обычных точек глубин там тянулось широкое пространство светлой бумаги. По нему была проведена рекомендованная трасса, аккуратная, похожая на строчку хорошо настроенной машины.

Она спросила, кто делал последние измерения.

— Восемь лет назад морская служба.

— На внешнем подходе?

— Во всём проходе.

— Тогда где точки?

— Какие?

— Те, из которых построена вот эта линия.

Элина постучала ногтем по светлому участку. Ивар не подошёл ближе.

— Нам передали окончательную карту. Исходные тетради должны быть в архиве.

— Вы по ней водите суда?

— По ней и по знанию людей, которые здесь родились.

— Но она утверждает, что здесь глубина ровная.

— А она разве не ровная?

Элина достала из папки копию судового объяснения о последней аварии. На листе были пятна от пальцев; капитан повреждённого каботажного судна писал резко, с ошибками, зато два раза повторил: «камень не был виден в отлив, глубина меньше объявленной». Рядом стояло его грубое изображение продольного склона.

— Вот здесь, — сказала Элина. — Отметка судового лота на пять локтей меньше лоции. Разница слишком велика, чтобы считать её обычной погрешностью одного человека.

— Возможно, промеряли в неверную фазу прилива.

— Возможно. Поэтому я и приехала: выяснить, какая фаза здесь указана и почему не указана в самой карте.

Ивар провёл ладонью по щеке.

— Мне обещали обновлённую лоцию к концу месяца. Не пересмотр морской истории Нордвала.

— Если история лежит под современным кораблём, приходится её пересматривать.

— Госпожа Арден, я управляю портом с шестью сотнями людей на причалах, складах и буксирах. Каждый день здесь ссорятся из-за снабжения. К середине декабря закрывается часть промысла, после чего половина островов будет жить тем, что мы сейчас завезём. Мне нужны работающие карты, а не ещё один бесконечный спор о старых тетрадях.

Элина выпрямилась. Он говорил не ради власти над гостем. По дороге она видела на причале мешки с мукой и маленькую тележку с углём, за которую спорили трое рабочих. Если ему не хватит времени и судов, люди действительно останутся без топлива.

— Мне тоже нужны работающие карты, — сказала она. — Начнём с того, что объявим неизвестное неизвестным. Вот этот участок нельзя подписывать как обследованный.

Ивар хмуро посмотрел на стол.

— Нельзя закрыть Игольные ворота на основании белого пятна.

— Я не просила закрывать их. Я прошу не выдавать белое пятно за ровное дно.

Он открыл ящик стола, вынул письмо совета и положил рядом с картой.

— «Уточнение глубин в пределах существующей лоции без вмешательства в действующий порядок портового движения». Так написано в вашем договоре.

Элина достала собственный экземпляр.

— В приложении третьем: «При обнаружении существенных расхождений исполнитель обязан уведомить портовую службу и предложить дополнительные промеры». Это тоже часть договора.

Мужчина посмотрел на неё долгим взглядом.

— Вы учились спорить с портами?

— Сначала с преподавателями. Порты оказались не сложнее.

— Преподаватели, вероятно, не отвечали за муку на Рифном.

— Нет, — сказала Элина. — Поэтому я слушаю вас. Но мне ещё нужно выслушать море.

В дверь постучали. Служащий внёс чай, попытался поставить поднос на карту и в последнюю секунду заметил взгляд обоих. Поднос остановился в воздухе.

— На подоконник, — сказал Ивар.

— Там цветок.

— Он уже не обидится.

***

К полудню туман над причалами поднялся, оставив за собой мокрый холод. Ивар отправился проверять разгрузку, а Элине позволили работать с копиями судовых донесений. Ей выделили край стола в комнате диспетчеров. Дважды за час её попросили подвинуться: одному человеку нужно было достать журнал движения, другому — открыть шкаф с аварийными сигнальными лампами.

Она пододвинулась в третий раз и снова развернула лист.

В объяснении одного капитана значилось, что судно село на мель вблизи восточного створа, хотя рулевой удерживал рекомендованный курс. В другом — что обратное течение прибавилось уже после момента поворота. Элина перенесла на черновик время прилива и направление ветра. Точки складывались в узкую диагональную полосу, которая не совпадала с официальной трассой. Полоса могла означать снос, которого никто не учёл при нанесении глубин.

Могла означать и обычную ошибку уставших людей, но одинаковая ошибка на нескольких судах — уже достаточное основание проверить измерения.

Она достала красный карандаш, провела короткую линию с вопросительным знаком и задумалась.

В институте ей часто говорили, что хорошая карта должна быть спокойной. Линии — уверенные, цифры — ясные, никакой грязи и лишних замечаний. Когда-то она так и сделала. Однажды убрала с чистового листа собственную пометку о неустойчивом грунте, чтобы не перегружать штурмана подробностями. Грузовой катер сел на мель; один из матросов сломал ногу при попытке освободить его с камня. Элина с тех пор перестала доверять чистым листам, которые выглядели безупречно за счёт стёртых сомнений.

Здесь ошибка, возможно, была чужой. Но чувство оказалось знакомым.

Снаружи раздался удар металла о камень. За ним — короткая ругань, затем ещё одна, более обстоятельная. Диспетчер поднялся от радиоприёмника и распахнул окно.

— Что у вас там?

— Топливо для спасательной не выдали! — крикнул кто-то снизу.

— Келл распоряжение давал!

— Пусть Келл сам выйдет в море на пустом баке!

Окно захлопнули. В комнате сразу стало тихо, но ненадолго. За дверью послышались быстрые шаги. Ивар вошёл с мокрым от дождя рукавом.

— Вы нам ещё нужны сегодня? — спросил он Элину.

— Для промеров? Да.

— Тогда не уходите далеко. Я хочу показать вам судно.

— Уже решили, на чём пойдём?

— Решил, что не буду обещать вам выхода, пока его капитан не посмотрит на погоду.

— Очень разумно.

— Вот и удивительно, что вы со мной согласились.

Элина убрала карты в папку. Ивар задержался возле стола, заметил её красную линию и ткнул в неё пальцем.

— Это что?

— Возможное смещение фактического фарватера относительно старого. Величина пока не доказана.

— Значит, на карте её пока не будет?

— На опубликованной — нет. На рабочей — обязательно.

Он кивнул, но тут же отвлёкся на крик из коридора. Кто-то требовал открыть проход для двух рыбацких лодок, готовившихся к вечернему выходу. На Рифном ждали свежую наживку и деньги от продажи улова; запрет вызывал злость.

— Старший спасательной уже распорядился никого не выпускать, — сказал Ивар, обращаясь к вошедшему портовику.

— А староста говорит, что у него разрешение совета до шестого числа.

— Разрешение совета не отменяет ветер.

— Вы ему сами скажите.

Ивар вздохнул так, будто ему снова предстояло обсуждать мешки муки, только теперь с людьми.

***

На причале ветер резал глаза. Между складом с рыбацкими снастями и спасательной станцией стоял невысокий грузовик с бочками. Водитель отказывался разгружать их без подписанного ордера. У бочек собрались четверо моряков. Один держал список, второй пристукивал ногтем по пустому топливному щупу.

— Здесь шесть бочек, — говорил водитель. — Шесть. У меня в накладной четыре на портовый буксир и две на резерв. Про ваш «Предел» ничего нет.

— «Пределу» нужен резерв на выход, — ответил человек в тёмной непромокаемой куртке.

— Тогда пусть пишут новую бумагу.

— К утру бумаги будет достаточно, чтобы обклеить ею море. Дайте две бочки сейчас, остальное выясним потом.

— У меня дети, — сказал водитель. — И работа мне тоже нужна.

Человек в куртке посмотрел на него. Из-под капюшона было видно обветренное лицо и тёмную прядь волос, где проступала соль.

— Никто не предлагает тебе лишиться работы. Найдём Келла.

— Я здесь, — отозвался Ивар.

Моряки повернулись.

— Вы распорядились дать нам топливо? — спросил человек в куртке.

— Я распорядился сохранить запас для порта.

— Если из бухты придётся вытаскивать людей, портовый запас с нами не пойдёт.

— Пока никого вытаскивать не нужно.

— Не люблю ждать, пока станет нужно.

Ивар недовольно повёл плечом.

— Давайте без этого. Я разрешу выдать одну бочку из резерва и ещё одну после подтверждения завтрашнего груза. Остальное — после вечерней сводки.

— Одной мало для полного поискового выхода, если ветер повернёт.

— Не полный выход, а проверка двигателя и внутреннего рейда. На сегодня так.

Человек в куртке не ответил сразу. Он посмотрел в сторону устья бухты. Море за мысом было серым, с тяжёлыми белыми гребнями.

— Тогда полный выход на сегодня отменяю, — сказал он. — И рыбацкие лодки тоже останутся внутри. Объясните это старосте так, чтобы люди услышали не только слово «запрет».

— Это мои люди, — произнёс Ивар.

— На причале — ваши. Когда они выходят в море и зовут на помощь — мои.

Он ушёл к спасательной станции, не оглянувшись.

Элина наблюдала за спором, держась на расстоянии. Она не знала, кто прав в вопросе распределения топлива. Одна бочка в порту могла означать лишний рейс с мукой, две — запас для спасения людей. Судить по нескольким выкрикам было бы слишком легко. Но она отметила, что человек в тёмной куртке отказался выходить, когда счёл снабжение недостаточным. У капитанов, привыкших к шумному авторитету, такой отказ встречался реже, чем она хотела бы.

— Вы слышали? — спросил Ивар.

— Слышала.

— Теперь понимаете, почему не хочу обещать вам быстрых промеров?

— Начинаю.

Ивар криво улыбнулся.

— Вас это, боюсь, не остановит.

— Отложит, если не будет безопасного выхода.

Он посмотрел на неё с новым интересом, но ничего не сказал.

***

Игольные ворота с набережной не выглядели воротами. Между дальним берегом Рифного и северным мысом Варны лежало несколько слоёв бледного пространства: туман, вода, камни, снова вода. Иногда из белёсой полосы поднимался чёрный острый риф, и тогда казалось, что прочие скрыты только из упрямства. Сюда приходил зимний вал, которому отво-

дили место между обжитыми берегами. Четыре морские мили ширины были на бумаге простой мерой; глазом их трудно было объять, когда горизонт исчезал в низком небе.

На мысе стоял «Край» — высокая каменная башня, не нарядная и не мрачная. У основания её окна чернели узкими щелями, выше шёл ряд железных скоб для обслуживания, а наверху горел обычный бледный свет, похожий на иглу в тумане.

Элина прищурилась.

— В договоре сказано, что маяк прикрывает северный вход, — заметила она.

— Так и есть, — ответил Ивар.

— Он работает в любую погоду?

— Навигационный огонь — да, пока есть масло и человек, который его обслуживает. Защитное оборудование включают по необходимости.

— Какое оборудование?

— Старое. Вам нужна карта, госпожа Арден. У маячных механиков своя работа.

Она не стала спрашивать дальше. Защитное оборудование могло означать что угодно — от сигнального устройства до неизвестной ей конструкции волноотвода. Сначала требовалось понять берег.

Ивар показал на низкое здание возле спасательного причала.

— Там вам выделят рабочее место. На ночь — комнату в портовом доме. Топят прилично, еда без изысков. На северные рифы пока никого не отправляем.

— А завтра?

— Завтра решит море.

— Оно не ставит подпись под распоряжением.

— К сожалению, — сказал Ивар. — У него вообще скверный характер.

Они прошли вдоль штабеля мокрых досок. Элина заметила, что доски лежат прямо на камнях, без подкладок, и нижние уже начали темнеть. Дальше работник латал брезент на крыше рыбного склада. Рядом девочка лет десяти стояла с двумя пустыми корзинами. Она нетерпеливо смотрела на дверь, откуда должны были вынести хлеб. Всё в порту сводилось к ожиданию: прилива, топлива, еды, нужной подписи.

Элина спросила, сколько лодок в обычный день проходит через ворота.

Ивар назвал число, затем поправился: зимой меньше, если ветер северо-западный. На Рифном рыбацкие семьи выходили даже в плохую погоду, потому что долги не зависели от волн. Она записала это. Не как глубину, конечно, но как обстоятельство, которое однажды объяснит, почему шкипер выбрал опасный час.

— Вы всё записываете? — спросил Ивар.

— Нет. Некоторые вещи я забываю.

— Какие?

— Например, имена людей, которые уверяют, что дно везде ровное.

Ивар рассмеялся. Смех оказался неожиданно громким, почти молодым.

— Ладно. Пойдёмте знакомиться с вашим судном.

***

Спасательная шхуна стояла у внутреннего причала, прижатая к кранцам ветром. Элина оценила длину — около восемнадцати метров — и сразу увидела, что корпусу приходилось часто работать среди камней. На борту темнели свежие заплаты, у кормы аккуратно висели спасательные кольца. Мачта казалась высокой для такого небольшого судна, но её оснастка была уложена без беспорядка. На корме белыми буквами написано: «ПРЕДЕЛ».

Возле трапа женщина с короткими русыми волосами проверяла крепление сигнального ящика. Она стояла одной ногой на мокром настиле и не замечала, как брызги попадали за ворот.

— Вы с промерами? — спросила она, не отрываясь от работы.

— Элина Арден.

— Лисса Фрей. Рулевая и лоцман. Если принесёте карту с прямой линией через мель, предупреждайте хотя бы до отплытия. Мне потом выслушивать матросов.

— Я предпочитаю кривую линию там, где её требует вода.

— Отлично. Начнём с кривых.

Лисса спрыгнула на причал и вытерла пальцы о куртку. Её взгляд упал на ящик Элины.

— Тяжёлый?

— Достаточно.

— Тогда не оставляйте на краю трапа. У нас здесь всё, что не привязано, стремится стать морским грузом.

Они вместе перенесли приборы под навес. Лисса спросила о длине промерного троса, о том, умеет ли Элина работать с судна при качке, и не укачивает ли её. Это были хорошие вопросы — ни один не касался её диплома.

— На качке работать могу, — сказала Элина. — С ведром знакома, но редко им пользуюсь.

— Замечательный ответ. У нас обычно говорят «не укачивает», а потом требуют остановить шторм ради завтрака.

Ивар посмотрел на часы.

— Капитан ещё не вернулся?

— У механиков, — ответила Лисса. — Ругается из-за топлива.

— Я уже решил этот вопрос.

— Тогда он ругается из-за того, как вы его решили.

Элина невольно улыбнулась.

Ивар передал ей временный пропуск на судно и лист с разрешением использовать рабочее место на спасательной станции. Внизу стояло ограничение: выход за внутренний рейд только с согласия капитана и лоцмана, исходные промеры в карандашном журнале, изменения карты не публиковать до подтверждения.

Элина пробежала глазами текст.

— По крайней мере, последнее условие разумно.

— Я рад, что вам хотя бы что-то нравится на Нордвале, — сказал Ивар. — Судно у вас хорошее. Капитан сложный.

— Как его зовут?

— Даниэль Вейр.

Имя было знакомым: под одним из аварийных донесений стояла его подпись. На полях он крупно приписал: «По указанному створу выход не повторять при падающей воде». Совет оставил замечание без ответа. Элина помнила почерк, потому что под ним единственным за весь вечер стояло не требование найти виновного, а конкретное предупреждение.

— Вы говорили с ним о моём приезде? — спросила она.

— Конечно.

— И что он сказал?

Ивар помолчал.

— Дословно?

— Желательно.

— «Ещё одна гладкая карта. Хорошо бы на этот раз море согласилось её читать».

Элина медленно сложила пропуск и сунула его в карман.

— Передайте капитану, что я не прошу море читать. Я собираюсь его измерять.

— Лучше скажете сами. Вон он идёт.

По причалу к шхуне направлялся человек в тёмной куртке, недавно споривший о топливе. Теперь капюшон был откинут, открывая седину у висков и упрямую складку между бро-

вями. В руке он нёс небольшой металлический прибор и даже на ходу проверял, не разболталась ли у него крышка.

Элина вспомнила, как он отказался выпускать рыбаков при недостаточном запасе, и с досадой почувствовала уважение, которого ещё не хотела испытывать.

— Господин Вейр, — сказал Ивар, когда капитан приблизился. — Ваш новый картограф.

Даниэль посмотрел на её приборы, на потрёпанную тубу с картами, затем на Элину.

— На какой глубине вы собираетесь сегодня спорить со мной, госпожа Арден?

Она поставила ящик на настил, чтобы руки были свободны.

— Для начала на той, которую у вас восемь лет никто не измерял.

Лисса за спиной капитана тихо фыркнула. Даниэль не улыбнулся.

— Тогда разговор будет долгим.

Он оглянулся на серую полосу внешнего моря.

— И начнём мы его завтра. Сегодня я не выхожу из бухты.

Элина взглянула на часы, на узкое светлое место над крышами складов и на воду, которую ветер всё сильнее сглаживал против течения. Хотелось возразить — слишком много времени уже потеряли до её приезда. Вместо этого она спросила:

— Когда у вас следующее надёжное окно прилива?

Даниэль повернул голову. Взгляд у него остался недоверчивым, но теперь он смотрел на неё, а не на бумаги.

— Вот это, — сказал он, — уже подходящий вопрос.

Глава 2. Капитан и горизонт

Даниэль не доверял кораблям, на которых всё было чистым.

«Предел» не был грязным судном. Утром его палубу скребли щёткой, после каждого рейса промывали крепления и проверяли швы, а инструменты возвращали в пронумерованные ячейки. Но у спасательного судна, которое действительно выходит в море, обязательно оставались следы работы. Царапина на правом борту — от ночного буксира. Потемневшая краска под лебёдкой — после того, как от неё пришлось отрезать намертво затянувшийся конец. Треснувшее стекло старого прибора уже заменили, а царапину возле него оставили: она не мешала судну держаться на воде и кое о чём напоминала тем, кто принимал решение о ремонте.

Зато вычищенные до блеска гостевые суда порта заставляли его насторожиться. Слишком часто под свежей краской скрывали сгнившее дерево.

Он стоял в тесной мастерской спасательной станции и переворачивал в руках металлическую крышку топливного фильтра. Уплотнение было изношено; на прошлой неделе механик заметил влажный след, и теперь Даниэль не собирался выходить, пока крышку не заменят.

— Тебе сказали, что пришлют новую, — заметила Лисса.

— Новую обещали ещё с паромом в ноябре.

— Я могу найти подходящую.

— Подходящую — да. Похожую — нет.

Лисса положила на верстак две перчатки и начала разбирать спасательный фонарь. Из открытой двери тянуло холодом, но закрывать её было нельзя: в помещении пахло машинным топливом и сырыми канатами.

— Картографка забрала свой прибор в портовый дом, — сказала она.

— Это её право.

— Я думала, ты скажешь, что она носится с ним как с младенцем.

— Если прибор дорогой, так и надо.

— Ты всё-таки её заметил.

Даниэль притворился, что занят уплотнением. Лисса любила заставлять его произносить вслух то, что ему легче было пропустить.

— Она задала правильный вопрос о приливе, — сказал он наконец.

— О, тогда готовимся к большой дружбе.

— Лисса.

— Хорошо, к маленькой.

Она посмотрела на его руку с крышкой.

— И не сжимай так. Резьбу сорвёшь.

Даниэль положил деталь на стол. На судне Лисса не позволяла ему делать вид, будто его должность придаёт правоту любому движению. Поэтому он держал её старшей рулевой, хотя она иногда доводила его до желания высадиться на ближайшую пустую скалу.

Снаружи хлопнула дверь. Молодой матрос принёс ведомость снабжения и сообщил, что одну бочку из обещанного топлива всё-таки выдали.

— Остальное завтра, — сказал он.

Даниэль взял лист.

— Если ветер к утру не изменится, одна бочка позволит сделать короткий контрольный выход. Но не поисковый. Где остальные спасательные средства?

— Два круга с новыми линями. Старые просушили. На корме аварийный плот без замечаний.

— Проверяли сами или переписали?

Матрос помрачнел.

— Сами. Мне ведь не пять лет.

— Вот и запиши, кто проверял.

— У меня и так руки до локтей в этой бумаге.

— Тогда придётся научиться писать локтями.

Лисса прыснула со смеху. Матрос отдал лист и ушёл, хлопнув дверью так, что на полке звякнули инструменты.

— Ты мог сказать мягче, — заметила она.

— Мог.

— А почему не сказал?

Даниэль помедлил.

— Потому что вчера он оставил мокрый линь на бухте. Я думал, он сам заметит.

— Он думал, что ты заметишь и скажешь. Получилось, что вы оба ждали другого.

Лисса вернулась к фонарю. Даниэль открыл ведомость и исправил строчку. Ему было неприятно, что она права, особенно когда права касалась его собственной команды.

***

Когда солнце окончательно скрылось за крышами складов, Элина пришла на спасательную станцию.

Не с пустыми руками. На ремне у неё висел измерительный футляр, под мышкой были две карты, а из кармана куртки торчал красный карандаш. Щёки у неё раскраснелись от ветра. Она постучала в открытую дверь, словно опасалась войти в место, куда ей формально уже разрешили доступ.

— Мы договаривались обсудить завтрашний выход, — сказала она.

— Договаривались, — ответил Даниэль. — Чай будете?

Она посмотрела на жестяной чайник над печью.

— Если вода не из бухты.

— А если из бухты, но прокипячённая?

— Тогда нам придётся обсудить ещё и источники питьевой воды Нордвала.

Лисса незаметно подмигнула Даниэлю и вышла проверять фонарь на палубе.

Они остались вдвоём. Даниэль налил чай в металлические кружки. Элина сняла перчатки, разложила карты так, чтобы один край не свисал со стола. На первой был официальный лист с широким белым пространством в Игольных воротах. На второй — её собственный черновик, уже густо покрытый красными линиями.

— Вы недовольны моей картой? — спросил он.

— Она ваша?

— На ней работает наш порт.

— Тогда да.

Он сел напротив.

— И чем именно?

Элина подвинула к нему черновик.

— Здесь отмечена глубина по лоту судна, севшего прошлой зимой на камень. Здесь в отчёте другого капитана указано направление сноса. Я не доверяю ни одной записи без перепроверки. Но две независимые ошибки в одном месте — причина выйти и измерить.

— Вы предлагаете вести «Предел» прямо к этому месту.

— Предлагаю начать со внутреннего участка. Если до завтра будет приливное окно.

Даниэль задержал палец над картой. Тонкая синяя линия шла вдоль отмели, которая в реальности открывалась на малой воде лишь отдельными мокрыми зубцами. На бумаге она казалась ровной.

— Когда вы проходили этот участок?

— Никогда.

— А знаете, как идёт отлив?

— Примерно. По таблице.

— Примерно — это сколько узлов?

— От полутора до трёх на узком участке. Я видела архивные наблюдения.

— Там может быть боковой поток. При попутном ветре его почти не замечаешь, пока берег не начинает двигаться.

— Берег никуда не движется.

— Вот именно. Значит, движемся мы.

Он взял карандаш, нарисовал возле восточного створа короткую стрелку и надписал время.

Элина посмотрела на стрелку.

— У вас есть измерение этого сноса?

— Есть журнал моего старшего рулевого. И есть лодка, которую мы два года назад вытаскивали с той стороны камня.

— Можно журнал?

Вопрос удивил его сильнее, чем спор. Люди из материкового института обычно начинали объяснять, почему данные местных моряков недостаточно точны. Эта женщина попросила их прочитать.

— Можно. Но сначала скажите, что будет, если ваши промеры окажутся не такими, как вы предполагали.

— Исправлю предположение.

— И остановите работу?

— Если понадобится. Для этого и нужен промер.

Даниэль откинулся на спинку стула.

— У нас прошлой зимой приезжала экспедиция. Составили красивую карту. Капитан грузового катера решил, что может срезать путь по новой линии при низкой воде. На карту положились все, включая меня. Катер сел на мель. Одного человека увезли в лечебницу.

Элина медленно положила карандаш.

— Я читала донесение.

— Тогда знаете, чем кончилась уверенность.

— Знаю, чем кончилось использование карты без отметки фазы прилива.

— Очень удобно, если виноват всегда тот, кто не прочитал мелкую надпись.

— А кто её должен был написать? — резко спросила она.

Оба замолчали.

В печи потрескивало сырое дерево. За стеной кто-то уронил на пол инструмент, и по доскам прокатился звон.

Даниэль взял донесение из её папки. На последней странице был список участников старой экспедиции. Он не знал, чья именно рука проводила линию. Элина смотрела в сторону окна.

— На одной из старых карт была моя работа, — сказала она наконец.

Даниэль поднял глаза.

— На какой?

— Не на нордвальской. На южном побережье. Я убрала из чистового листа предупреждение о смещении грунта. Катер сел на камень. Матрос сломал ногу, когда его пытались снять.

Она произнесла это без интонации признания. Скорее, как факт, который больше не собиралась прятать.

— Почему убрали?

— Предполагала, что предупреждение слишком неточное. Мне сказали: лучше дать одну ясную линию, чем три возможные. Я послушала. С тех пор не люблю, когда мне предлагают сделать карту красивее.

Даниэль посмотрел на её черновик. В красных пометках было не меньше сомнений, чем цифр. С такой картой трудно было выступать на заседании совета, зато по ней, возможно, можно было работать.

— Вы не боитесь, что здесь тоже ошибётесь?

— Боюсь. Потому и хочу измерять прежде, чем рисовать окончательно.

Это был ответ, который он не ожидал услышать.

***

Лисса вернулась с мокрым фонарём. Она поставила его у двери и объявила, что на завтра приливное окно будет коротким: вода начнёт заметно падать после полудня, а если северо-западный ветер усилится, то выйти к внешней отмели не удастся даже при достаточной глубине.

— Внутренний рейд? — спросил Даниэль.

— До ближней отметки можно. Но не дальше, пока не поймём, сколько у нас топлива. И эту отметку надо подходить от южного створа, не от северного.

Элина показала на карту.

— Я думала то же самое.

— Думаем мы одинаково, — сказала Лисса. — А вот судно у нас одно, поэтому решать придётся капитану.

Элина подняла глаза от бумаги.

— Я не собираюсь командовать им.

— Хорошо. Потому что я ещё и рулевая, а такого количества начальников для одной шхуны слишком много.

Даниэль подошёл к стене, где висел порядок выходов. Там были отмечены часы смен, техническое состояние и число доступных спасательных средств. Он велел механику проверить утром запас топлива, а Лиссе — сверить фактическую воду у южного створа. Если условия будут приемлемыми, «Предел» возьмёт Элину на короткий промерный выход внутри бухты. Внешние камни останутся на другой день.

— Слишком поздно, — сказала Элина.

— Поздно для чего?

— Для полной лоции до конца месяца.

— Тогда дадим порту честную неполную.

Ему показалось, что она готова возразить. Но Элина только записала решение на своём листе и спросила, можно ли использовать ближайшую лодку для береговых измерений до выхода шхуны.

— В каком месте? — уточнила Лисса.

— Там, где с берега видно внутренний створ. Мне нужно проверить высоты над водой.

— На пешем участке можно. Но к западной кромке не ходите. На этих камнях люди утопали и в ясный день.

— У меня есть сапоги.

— Камням всё равно, во что вы одеты.

Элина нахмурилась, потом удивлённо улыбнулась.

— Хорошо. Запишу и это.

***

Ночью спасательная станция редко пустовала полностью. Даже в спокойные дни у радиоприёмника сидел дежурный, в печи тлели угли, а на узкой лавке возле входа кто-нибудь сушил одежду после рейса. Даниэль любил оставаться на станции, пока остальные расходились: в

темноте легче было слышать, как меняется ветер. Сегодня к этому прибавились непривычные мысли о приезжей картографке.

Она не пыталась ему понравиться. Смотрела на бумаги так, будто разговор с живым человеком неизбежно содержал досадное отклонение от измерения. Но при этом спрашивала о тех данных, которые сам Даниэль давно перестал считать достойными подробной записи. Для него приливный снос у восточного створа был чем-то, что чувствуешь ногами на палубе. Для неё — отсутствующей стрелкой, которая однажды может стоить чьей-то жизни.

Он заварил себе второй чай и достал старый капитанский журнал. Листы пахли сырой кожей. На странице с аварией грузового катера были его собственные замечания, сделанные торопливым почерком. Среди них стояла запись: «Следовало вернуться до падения воды. Решение задержаться моё».

Даниэль провёл большим пальцем по строчке. Тогда он мог ссылаться на новую карту и капризную погоду. На берегу даже нашлись люди, готовые это подтвердить. Но решение капитана выйти поздно не исчезло оттого, что кто-то другой ошибся в чертеже.

За дверью послышались шаги. Пришёл Ивар Келл с небольшой тетрадью под мышкой.

— Я думал, вы уже ушли домой, — сказал он.

— Ушёл бы, если бы было кому думать о топливе.

Ивар повесил мокрую шапку на гвоздь.

— Нашёл ещё одну бочку. Её собирались отдать буксиру, но тот до завтра на ремонте. Выдадим вам утром при условии, что вернёте неиспользованное в резерв.

— Если не будет поискового выхода.

— Если будет, ничего не возвращайте. Не нужно мне потом объяснять семьям, что у нас хорошая отчётность.

Даниэль посмотрел на него. В обычные дни Ивар любил печати не меньше сна; сейчас в голосе чувствовалась усталость человека, который всё же знает цену своей мелочной осторожности.

— Спасибо, — сказал капитан.

— Не благодарите. Лучше завтра не сломайте судно. Зимой каждый ремонт идёт за счёт чьего-нибудь обеда.

Ивар присел возле печи, погрел ладони.

— Картографка как?

— Ещё не утонула.

— Это заметное достижение.

— У неё есть сомнения. Она их не скрывает.

— Вот как. Я считал, что вы друг друга съедите до ужина.

— Вы ещё не слышали нас завтра.

Ивар помолчал, потом спросил:

— Она сможет исправить лоцию?

Даниэль не ответил сразу. Ему хотелось сказать привычное: материковые специалисты не понимают этих вод. Но он вспомнил красные пометки Элины и её спокойное «боюсь».

— Если даст нам измерения, которые можно проверить, — ответил он. — Возможно.

Ивар кивнул.

— Много вопросов у неё к белым местам на карте.

— Ко мне тоже будут, если вы её не пустите.

— Пущу, когда будет безопасно. И хватит уже всем объяснять, будто я собираюсь закопать карты под складом муки.

Он встал и ушёл. Даниэль закрыл дверь, придвинул к печи мокрые ботинки.

***

В соседней комнате спал механик. Дежурный слушал дальние голоса в радио: рыбацкие лодки Рифного обменивались короткими сообщениями, жаловались на течение и на то, что посёлку снова задержали поставку наживки. В какой-то момент связь захрипела, но сквозь помеху пробились слова «двое на разведку», «обратно не дошли». Дежурный выпрямился и прибавил громкость.

— Повторите, кто не дошёл?

Ответ тонул в треске.

— Лодка с двумя рыбаками вышла утром с Заводи, — удалось разобрать наконец. — Проверяли сети возле внутренних рифов. Должны были вернуться до темноты. Не вернулись.

Даниэль уже стоял рядом.

— Время последнего подтверждённого сигнала?

— После полудня. Точного часа нет, у них часы остановились ещё в ноябре.

— На какой стороне рифов?

— Говорили, у старой северной отметки. Потом ветер поднялся.

Лиссу вызвали с её жилья при станции. Она пришла через несколько минут, застёгивая куртку на ходу.

— Сколько топлива?

— Хватит для внутреннего поиска и возвращения. Ивар обещал ещё одну бочку к утру.

— Сейчас выйти хотите?

Даниэль посмотрел на окно. За ним не было моря, только тёмная вода в бухте и дальний бледный свет маяка.

Он слишком хорошо знал соблазн немедленного выхода. Когда человек исчезает, каждая минута ожидания кажется отказом ему помочь. Но в темноте на падающей воде «Предел» мог сесть на камень, и тогда спасать пришлось бы уже семь человек вместо двух. Он проверил скорость ветра по береговому прибору, затем взглянул на карту.

— За внешний риф сейчас не идём, — сказал он. — Поднимем дежурную береговую лодку для ближнего обзора, выставим наблюдателей и приготовим «Предел» к рассвету. Нужны последние показания тех, кто видел рыбаков. И время следующего прилива.

Дежурный передал решение по радио. Из ответного голоса сразу вырвался гнев:

— Так они же там замёрзнут!

— Знаю, — сказал Даниэль, взяв трубку. — Назовите место, где их видели. Если есть возможность выйти сейчас без риска для других, я выйду. Но не поведу судно вслепую на камни.

Ответ не приходил долго. Потом кто-то назвал старую отметку и добавил, что рыбаков двое, один плохо плавает.

Даниэль записал сведения. Плохая новость была не в том, что человек не умел плавать: в холодной зимней воде и хорошее умение помогало недолго. Плохая новость — они могли остаться там, где ни одна береговая лампа не доставала до волн.

Лисса поставила на стол карту Элины. Красная линия проходила возле внутренней отмели, у которой иногда образовывалась короткая полоса тихой воды.

— Посмотри, — сказала она. — Арден поставила здесь вопросительный знак. Не глубину. Вопрос.

Даниэль наклонился ближе.

Он помнил этот участок с детства — узкую ложбину под водой, где прилив иногда давал лишнюю полосу спокойствия. Но туда не входили зимой, потому что при падении воды ложбина превращалась в западню. Чтобы искать рыбаков, требовалось знать не только, сколько воды там сейчас, но и сколько останется, когда судно придёт обратно.

— Утром нужно проверить, — сказал он.

— С Арден?

— С промерами. А значит, с Арден.

Лисса посмотрела на него внимательно.

— Если она ошибётся?

— Проверим лотом и береговым створом. Как проверяем всё остальное.

Он отправил матроса за дополнительными спасательными линями и попросил разбудить механика. Тот спросонья выругался, но через несколько минут уже работал у двигателя. До рассвета следовало сделать гораздо больше, чем просто пожелать рыбаков живыми.

Когда все разошлись, Даниэль ещё немного стоял над картой. Он думал не о смелости молодой женщины с материка и не о том, насколько она сумеет доказать свою правоту. Его занимал только один вопрос: окажется ли нарисованное ею сомнение достаточно точным, чтобы завтра привести судно к двум живым людям?

На нижнем поле карты Элина оставила карандашную строку: «Проверить внутреннюю глубину на полной воде. Не назначать маршрут до фактического промера».

Даниэль прочитал её ещё раз. Неопределённость, которую принято было стыдливо убирать с окончательных листов, сейчас выглядела честнее любой уверенности.

Он сложил карту, положил её рядом с капитанским журналом и пошёл проверять, согрелась ли в моторном отсеке новая крышка фильтра.

Глава 3. Полоса тихой воды

К утру море не успокоилось. Оно только сменило голос.

Ночной ветер выл у водостоков, тряс кровлю спасательной станции и заставлял людей говорить громче, чем хотелось. Перед рассветом стало тише. Теперь снаружи слышались отдельные удары волн о камень — тяжёлые, с длинной паузой, будто кто-то в темноте пробовал прочность стены.

Элина спала два часа и проснулась от стука в дверь портового дома. За дверью стоял матрос с «Предела», держа под мышкой мокрую шапку.

— Капитан велел передать: выход решён после проверки двигателя. Сбор в восемь. Если хотите идти, понадобятся непромокаемая одежда и жилет. Свои карты принесите.

— Что с рыбаками?

— Не нашли. Береговые смотрели до ночи, утром тоже никого. У восточной стороны рифов видели обломок весла. Наш — не наш, не знают.

Он не стал говорить «поторопитесь». Она и без того уже натягивала сапоги.

Внизу хозяйка портового дома пыталась всучить Элине тарелку каши. Её звали Тамна; она умела разговаривать одновременно с тремя жильцами и не выслушивать ни одного оправдания, почему человек опаздывает.

— В море пустым животом не ходят.

— Я не успеваю.

— Тем более. На воде скорость еды не прибавится, а зябнуть будете меньше.

Она поставила миску перед Элиной и ушла спорить с кочегаром. Каша была горячей, с кусочками солёной рыбы. Элина съела почти всё и сунула в карман ломоть хлеба, чувствуя, что Тамна будет считать это собственной победой.

На причале ещё горели фонари. Палуба «Предела» была мокрой, но не скользкой: матросы посыпали проходы крупным песком и убрали всё, что могло покатиться под ноги. Даниэль стоял у рубки, сверяя лист с механиком. Лисса уже была за рулём и проверяла береговые створы сквозь слабую дымку.

— Приборы в каюте закрепить, — сказал Даниэль Элине вместо приветствия. — Сами наденете жилет.

— Я умею.

— Хорошо. Тогда проверьте застёжку после того, как наденете.

Она чуть было не ответила резко, но увидела, как он таким же голосом велит старшему матросу проверить страховочный трос. Капитан не выделял её как беспомощного гостя. Он просто не допускал, чтобы на его судне кто-то полагался на собственное самолюбие.

Элина поставила на стол коробку с лотом. Сняла перчатки, проверила деления мерного троса и занесла поправку к температуре металла в блокнот. Пальцы ещё не согрелись после дороги, и карандаш дважды сорвался с бумаги.

Лисса заглянула в каюту.

— У вас обе руки нужны для работы?

— Желательно.

— Тогда чай возьмите, пока стоим. Потом на ходу будете просить, чтобы море подождало.

Элина усмехнулась. На шхуне, очевидно, считалось допустимым шутить только над теми вещами, которые нельзя отменить приказом.

В восемь двадцать Даниэль получил подтверждение дополнительного топлива и записал фактический запас в журнал. Затем собрал экипаж у рубки. Всего на «Пределе» было шесть человек, включая его и Лиссу. Каждый знал свой участок: двигатель, связь, страховочные лини, носовое наблюдение, кормовая лебёдка. Элине капитан отвёл место у рабочего стола и поручил

вести журнал промеров. Обещал дать доступ на носовую площадку только при допустимой качке.

— По старой карте мы можем идти севернее отмели, — сказал он. — По новой отметке Арден это может быть опасно. До ближайшего створа держим обычный путь, дальше Лисса берёт фактические глубины по лоту. Если видим несоответствие — не спорим с водой.

Элина посмотрела на него.

— Я согласна, — сказала она.

— Приятно начать день без разногласий, — отозвалась Лисса. — Дальше, надеюсь, будет как обычно.

***

Из Тихой Гавани выходили медленно. Навигационный свет «Края» за спиной становился бледной точкой над каменным мысом, а справа вдоль берега тянулись огни ещё не проснувшихся домов. Дым из труб уходил в сторону моря. На воде виднелись тёмные полосы течения; местами ветер срывал с них мелкую пену.

До внутреннего подхода к Игольным воротам было около девяти морских миль. В хорошую погоду «Предел» проходил бы их чуть больше чем за час, но сегодня Даниэль держал ход ниже обычного и несколько раз сверялся с данными лоцмана. К тому времени, когда первые рифы стали видны, свет разошёлся по небу узкой серой полосой.

— Сообщение с Рифного, — сказал радист. — Вновь проверили южную кромку. Ничего. Человек из Заводи утверждает, что видел их у северной вехи вчера после обеда.

— Время?

— Не помнит. Говорит, до того как стало совсем темно.

— У нас полдня превращаются в пять часов, когда люди не смотрят на часы, — пробормотала Лисса.

Даниэль не ответил. Он положил рядом две карты: официальную и помеченную Элиной.

— Где у вас сомнение? — спросил он.

Она показала на белый участок.

— Здесь. Я не утверждаю, что проход свободен. Я утверждаю, что здесь у нас нет проверенной глубины. В старом донесении шкипер говорит о ложбине вдоль внутренней стороны отмели, но не знает, как она соединяется с фарватером. Возможно, это не проход, а замкнутая яма.

— Если замкнутая, мы туда не полезем.

— Если сквозная, при приливе даст обход северного камня.

Лисса повернула голову.

— А течение? Вода с моря сейчас давит в ворота. Возвращаться будем уже на падающем приливе.

Элина раскрыла блокнот.

— Я могу дать расчёт по известной фазе, но без фактических промеров не больше.

— Тогда начинаем с фактических, — решил Даниэль.

Механик уменьшил обороты. За бортом вода стала темнее; под ней угадывались светлые гребни камня. Матрос на носу опустил лот. Первая глубина была достаточной. Вторая тоже. Третья оказалась меньше официальной на несколько локтей.

— Повтори, — сказал Даниэль.

Матрос выбрал трос, проверил груз, опустил вновь.

— Та же.

Элина записала результат. Пульс ускорился, но она заставила себя не делать вывода. Одна точка ничего не решала; три показывали, что по сравнению с картой склон поднимается раньше.

— Смещение влево от оси, — сказала она. — По старому листу здесь должно быть глубже.

— Иными словами, ваша красная пометка пришлась по адресу, — произнесла Лисса.

— Одна из пометок.

— Не бойтесь. Я не собиралась вышивать вам медаль.

Даниэль приказал уменьшить скорость ещё немного. Впереди открывался узкий проход между двумя тёмными зубьями рифа. Течение тянуло к западному камню. Лисса вела судно так спокойно, что Элина сперва не заметила работу руля.

— Держать эту линию? — спросил капитан.

— До следующей точки, — ответила Элина. — За ней неизвестно.

— Вот и хорошо, что неизвестно не скрываете.

На секунду она почувствовала раздражение: он говорил как человек, который наконец разрешил ей иметь профессию. Потом увидела, как Даниэль сам перечёркивает прежний план выхода и пишет рядом: «Не заходить по северному рекомендованному створу при текущей воде». Его решение стоило больше любой похвалы.

***

Сначала они нашли не лодку, а старую сеть.

Она колыхалась на воде длинным тёмным полотном, зацепившись за камни. Под ней плавали кусочки дерева и пустой поплавок с выцветшей отметкой Заводи. Матрос потянул сеть багром, но Даниэль велел отпустить: в узком месте затянувшийся конец мог оказаться опаснее самого рифа.

— Это их? — спросила Элина.

— Возможно, — ответила Лисса по радио с рулевого места. — На Заводи половина поплавков выглядят одинаково.

Радист вызвал береговой пост. После нескольких попыток связь установилась. Люди на Рифном подтвердили рисунок поплавка, но не смогли назвать владельца.

Шхуна продолжила поиск вдоль внутреннего края ворот. Даниэль стоял рядом с Лиссой и всё чаще поднимал взгляд на высокую полосу тумана на севере. Он не говорил, что время уходит, — это и без слов было видно по воде. Прилив приближался к вершине. Через час поток начнёт меняться, а затем у них будет всё меньше глубины для обратного пути.

— У западного зуба вода словно не идёт, — заметила Элина.

— Идёт. Просто сверху гладкая.

— Я вижу на соседней полосе пены снос, а здесь нет.

Лисса прищурилась.

— Там есть завихрение. Может, от камня.

Элина посмотрела через бинокль. За низкой грядой действительно лежала узкая гладкая полоска, слишком ровная для открытого ветра. Она протянулась в сторону внутренней отмели, почти совпадая с красной линией на её черновике.

— Нужно промерить здесь, — сказала она.

— Здесь мы уже промерили, — ответил Даниэль.

— На оси. А полоса идёт левее.

Он посмотрел на часы, затем на волну.

— Два промера. Не больше. Идём только пока держится вершина воды.

Судно сместилось к внутреннему краю. Матрос вновь бросил лот. Глубина оказалась больше, чем они ожидали. Второй промер подтвердил, что под гладкой водой проходит ложбина. Но сразу за ней риф поднимался крутой стеной: судно могло войти в эту полосу только через узкое южное горло, а не с любой стороны.

Элина заштриховала на карте опасную кромку.

— Вот почему старый шкипер назвал её ямой. Он заходил сверху, видел обрыв глубины, но не знал про горло.

— Значит, если будем выходить обратно, надо попасть в горло, — сказала Лисса.

— Да.

— И ещё успеть до падения воды, — добавил Даниэль.

Элина кивнула. Сейчас она ещё не знала, пригодится ли новый путь. Но на карте появилась первая линия, о которой можно было сказать: измерена сегодня.

В этот момент матрос на носу крикнул:

— Красный лоскут! По левому борту, за камнем!

Даниэль поднял бинокль. На низкой плоской отмели что-то тёмное билось о камень. Ветер рвал красную ткань, привязанную к короткому шесту. Ниже, возле самой воды, едва различался борт маленькой рыбацкой лодки.

— Человек, — сказал капитан. — На корме.

***

В лодке сидел мужчина в промокшем брезентовом плаще. Он махал одной рукой; второй держал что-то у ноги. Шхуна не могла подойти прямо к нему: между камнем и открытой водой стояла гряда, о которую разбивался вал. Даниэль выслушал Лиссу, посмотрел на рабочую карту Элины и приказал обойти отмель с юга, через только что промеренное горло.

— Удержим? — спросил он.

Лисса не ответила сразу. Она проверила расстояние до камня по береговому створу и скорость сноса.

— Если держать малый ход и не заходить выше этого знака. Влево от него нельзя.

— Согласен. Страховочные всем на палубе.

Элина прижала карту к столу. Она не стала говорить, что именно её расчёт спасает положение. До спасения оставалась опасная часть работы, о которой на бумаге не было ни слова.

«Предел» вошёл в узкую полоску воды почти на холостом ходу. Вокруг шумел прибой, а здесь вода колебалась ровно, как в большой тяжёлой чаше. На рифе был виден сломанный нос рыбацкой лодки и вмятина от удара. Мужчина поднялся, попытался подать конец, но тут же сел обратно.

— Их должно быть двое! — крикнул Даниэль.

Мужчина что-то ответил. Ветер разорвал слова.

Матрос у носа показал на воду рядом с камнем. Там плавал второй красный лоскут, привязанный к спасательному поясу. Из-за волны мелькнула рука.

— Второй в воде! — закричал он.

У Элины пересохло во рту.

Даниэль мгновенно изменил план.

— Корму не подставлять! Лисса, держи нас против сноса. Линь с кругом! Второй матрос — на страховку, к борту не перегибаться!

Люди действовали без суеты. Круг полетел не туда, куда хотел бросавший, а чуть ниже по течению. Человек в воде сперва не дотянулся. Второй бросок был ближе. Он схватил линь, но пальцы соскользнули.

— Держись! — закричал матрос, хотя человек явно уже не мог выполнять такую команду.

Лисса подвела шхуну ещё на несколько локтей, удерживая судно не носом к рифу, а под углом к потоку. Даниэль стоял у борта с коротким спасательным концом. Дальше подходить было нельзя: ещё одна волна ударила бы судно боком о камень.

— Элина, отметьте глубину сейчас! — крикнул он.

Она уже держала лот. Груз ушёл в воду, трос натянулся.

— Достаточно, но под левым бортом подъём! — крикнула она. — Не смещаться западнее!

— Слышу, — отозвалась Лисса. — Не смещаюсь.

Матрос вновь послал круг. На этот раз человек в воде ухватился за него обеими руками. Его потянули к борту, удерживая лицо над водой. Он не помогал — только кашлял и судорожно цеплялся. Два спасателя, пристёгнутые к палубным точкам, подняли его в петле. Один сразу завернул в тёплое одеяло, другой проверил дыхание.

Элина отступила к рубке, чтобы не мешать. В учебниках спасения всегда выглядели как последовательность верных действий. В настоящей воде всё происходило одновременно: кто-то считал глубину, кто-то выбирал линь, кто-то следил, чтобы собственная рука не попала под натянутый трос. Ошибка любого могла сделать спасателей ещё одними потерпевшими.

Мужчина на разбитой лодке закричал, что второй упал в воду совсем недавно: попытался перебраться на камень, поскользнулся, и его унесло течением. Значит, он не провёл в ледяной воде всю ночь. Даниэль коротко кивнул, словно благодарил не удачу, а время, которого им ещё оставалось немного.

— Первого в каюту, согревать постепенно! — приказал он. — Второй остаётся на лодке. Сейчас подадим ему буксирный конец.

Элина опустилась на одно колено и помогла механику принести сухие одеяла. Спасённый дрожал всем телом. Губы посинели, но глаза были открыты. Он пытался что-то сказать.

— Тихо, — сказал механик. — Вы в тепле. Дышите.

— Брат, — выговорил мужчина.

— Второго берём, — ответила Элина.

Ей захотелось сказать «с ним всё будет хорошо», но она увидела, как Даниэль на палубе внимательно изучает крепление повреждённой лодки, и промолчала.

***

Второго рыбака сняли позже, когда удалось подвести нос «Предела» к безопасной внутренней стороне рифа. На камне оставались железные крючья старого крепления, но пользоваться ими Даниэль не разрешил: один был наполовину выломан, другой держался на ржавчине. Буксирный конец протянули через собственную страховочную точку лодки. Её нос был разбит, поэтому перед движением матросы подвели под повреждение временный мягкий мат и проверили, сможет ли корпус держаться на воде хотя бы на малой скорости.

Пока работали, Элина слушала разговор между Даниэлем и рыбаком. Мужчину звали Орвен. Его брат Тир уже находился в каюте под одеялами. Они вышли утром третьего числа проверить сети перед зимним сокращением промысла; надеялись успеть к приливу. Потом течение изменилось, ударило их о камень, двигатель заглох, весло сломалось. Ночью они прижались к рифу, укрывались мокрым брезентом и по очереди следили, чтобы лодку не разбило окончательно.

— Почему не подали сигнал раньше? — спросил Даниэль.

— Подавали. Рожок утонул. Радио нам на прошлой неделе обещали вернуть из починки. Не вернули.

Даниэль задержал взгляд на потрескавшейся руке Орвена.

— Кто обещал?

— Да какая теперь разница?

— Для следующего выхода большая.

Орвен вскинул голову.

— Следующего? С этой лодкой? У меня на новые доски денег нет.

Капитан посмотрел на повреждённый нос.

— Доставим в Заводь. Там решите, что можно спасти.

Орвен отвернулся, вытирая лицо рукавом. Элина подумала о словах Ивара: каждое судно здесь было частью еды на столе. Потеря лодки означала для семьи не романтическую беду моряка, а пустой погреб.

Когда буксир закрепили, Даниэль спросил Лиссу о возможности возвращения через то же горло. Та посмотрела на береговой знак, затем на часы.

— Вода уже пошла вниз, но горло ещё держит. Если уйдём сейчас, успеем. С буксиром медленно, без резкого руля.

— А если нет? — спросил он.

— Оставим лодку на защищённой стороне и заберём позже. Людей не задерживаем ради досок.

Элина услышала в её голосе не бесчувственность, а привычку вовремя отделять важное от дорогого. Орвен тоже услышал, но ничего не сказал.

Шхуна начала обратный ход. Повреждённая лодка тянулась за кормой с лёгким креном. Каждые несколько минут матрос смотрел, не прибавляется ли вода внутри её корпуса. Иногда Даниэль уменьшал обороты почти до минимума, потому что набегающая волна могла сорвать буксир. Лисса работала рулём коротко, как человек, которому жалко лишнего движения.

Элина стояла у рабочего стола. Она уже не могла делать полноценные промеры: две руки были заняты картой, а голова — счётом времени и глубины. Но она отмечала, где судно поворачивало, и как менялся снос на разных участках. Эти записи пригодятся позже. Сейчас они были только черновиком и памятью о том, что удалось пройти.

***

Когда риф с красным лоскутом остался позади, Даниэль подошёл к ней.

— Вы правильно заметили горло, — сказал он.

Элина подняла голову.

— Его ещё нужно промерить на малой воде, прежде чем рекомендовать другим.

— Разумеется.

— И там сильный боковой поток. Вторая лодка не прошла бы самостоятельно.

— Поэтому мы её буксируем.

Она смотрела на него, не понимая, почему он говорит так спокойно. Она ожидала либо похвалы, от которой хочется спрятаться, либо очередного замечания, что без капитана карты бесполезны.

— Вам стоило отказаться, — сказала она.

— От чего?

— От входа туда. Если бы глубины оказались меньше, пострадала бы ваша шхуна.

— А если бы я не принял ваш промер, рыбак остался бы на камне. Вы дали данные. Лисса подтвердила проход. Я решил идти. Всё на своих местах.

Она хотела сказать, что подобные слова звучат слишком легко после благополучного исхода. Но вспомнила, как он перед входом на риф уже установил условие: если глубина не подтверждается, они не заходят. Это было настоящее решение, принятое до результата.

— Я ошибалась насчёт вас, — произнесла Элина.

Он удивился.

— В чём?

— Думала, вы считаете карты бесполезными.

— Нет. Я считаю бесполезными карты, которые притворяются законченными раньше времени.

— Это я могу понять.

— Очень хорошо.

Он собирался уйти, но она остановила его.

— А вы ошиблись насчёт меня?

Даниэль взглянул на её красные карандашные пометки.

— Пока не решил.

Элина рассмеялась так неожиданно для себя, что он тоже улыбнулся.

***

В Заводь они пришли ближе к середине дня. Низкие дома посёлка стояли вокруг бухты полукругом, защищённые от прямого ветра каменной грядой. Над водой тянулся дым сушилен, пахло рыбой, мокрыми сетями и старым деревом. На причале уже ждали люди: кто-то услышал радио, кто-то заметил знакомую лодку на буксире.

Женщина в толстом шерстяном платке первой бросилась к Орвену. Он едва успел поставить ногу на доски, как она ударила его ладонью по плечу.

— Где вас носило, бессовестные?!

— На море, — ответил он.

— На море! Как будто у нас больше негде ночевать!

Потом она обняла его так крепко, что тот согнулся. Элина отвернулась, внезапно почувствовав себя лишней при чужом страхе, который наконец разрешили выразить.

Тира осторожно перенесли в тёплую комнату возле причала. Местный лекарский помощник уже ждал там с сухими одеялами и горячим питьём. Даниэль передал краткие сведения: сколько времени человек провёл в воде, как его согревали и что говорил спасённый. Не стал обещать, что завтра Тир сможет выйти из дома. Элина заметила, как женское лицо возле постели на мгновение побелело от этого отсутствия обещаний, но потом женщина кивнула и начала выполнять просьбы лекаря.

На причале Орвен ходил вокруг своей лодки. Доски на носу разошлись, под креплением буксирного конца выступила трещина. Он трогал дерево кончиками пальцев, словно проверял больное тело.

— Думал, придётся её бросить, — сказал он, когда Элина остановилась рядом.

— При падении воды, возможно, пришлось бы.

— Знаю. Ты там в рубке что-то чертила?

— Записывала глубины.

— И что, нашла тайный ход?

— Не тайный. Пока не проверенный.

Он кивнул, будто это был честный ответ, а других сегодня не требовалось.

— У нас есть старый проход, — сказал он. — Только туда никто зимой не суётся. Вода там странная.

Элина подняла голову.

— Что значит странная?

Орвен показал на север, где за камнями шумел внешний вал.

— Иногда идёт гладко вдоль скал, хоть снаружи пена с человека ростом. А в другой раз туда же валится с такой силой, что мотор вырывает. Старые люди говорили, дело в свете.

— Каком?

Он помедлил.

— Маячном. Но это ты лучше у них спроси. Я нынче весь свет видал только в виде твоего проклятого красного лоскута.

Элина хотела расспросить его подробнее, но с причала позвали: требовалась помощь с привязью повреждённой лодки. Орвен ушёл, хромая, и она не стала его задерживать.

«Дело в свете», повторила она про себя.

На материке люди приписывали маякам многое: удачу при возвращении, удачный улов, способность отпугивать туман. Здесь, где обычный навигационный огонь действительно указывал вход в порт, такие рассказы тоже могли возникнуть из страха и долгой работы. Однако спокойная полоса у рифа существовала независимо от чьих-либо слов. Она была измерена. Или, во всяком случае, замечена достаточно ясно, чтобы потребовать новой проверки.

Элина посмотрела на свои записи. Рядом с глубинами было написано: «Поверхностная гладь не совпадает с направлением ветра». Теперь она добавила: «Проверить зависимость от состояния огня. Свидетель ненадёжный? Уточнить у нескольких моряков».

***

Перед отходом Даниэль нашёл её возле склада сетей. На лице у него проступила усталость, и Элина впервые заметила седину не только у висков, но и в короткой тёмной бороде.

— В Тихую Гавань идём сейчас, — сказал он. — Пока вода позволяет пройти внутренним маршрутом. У вас есть ещё десять минут.

— Мне нужно посмотреть одну отметку у восточной скалы.

— Сегодня — только с берега, если успеете и если туда можно безопасно дойти. На внешнюю сторону не ходить.

— Я не собираюсь прыгать в море за камнем.

— Хорошо. Я тоже.

Она улыбнулась. Даниэль посмотрел на её блокнот.

— Что вы нашли?

— Возможно, ничего. Есть полоса тихой воды, совпадающая с расположением старого основания. Хочу понять, всегда ли она здесь.

Он замолчал.

— Лучше не называйте её проходом, пока не промерили, — сказал наконец.

— Я и не называю.

— Тогда посмотрим завтра при другой воде.

В его голосе было что-то ещё — не тревога, скорее память о событиях, которых она не знала. Элина хотела спросить, но на причале кто-то позвал капитана к радиостанции. Он кивнул ей и пошёл туда, оставив её возле мокрой стены склада.

Она поднялась на невысокий каменный выступ, откуда была видна внешняя гряда. Ветер тянулся с северо-запада. Большие волны били о дальние рифы, и белая пена летела через них на несколько локтей. Но ближе к острову лежала аккуратная полоска гладкой воды, словно кто-то провёл по морю влажной ладонью.

Элина обвела её взглядом. Граница была слишком прямой. Не вполне естественной.

По внутреннему краю тихой полосы торчал низкий камень с тёмным круглым углублением наверху. На нём блестела вода, но не было ни фонаря, ни костра, ни хотя бы железного крюка для лампы. Элина попыталась запомнить его положение относительно двух высоких скал, чтобы потом нанести на карту.

«Завтра», — подумала она. И с удивлением поняла, что ждёт нового выхода не меньше, чем нового объяснения.

Глава 4. Малый огонь

Пока матросы отвязывали повреждённую лодку от «Предела», Элина не могла отвести взгляд от гладкой полосы у северных камней.

Ветер приходил с моря под одинаковым углом ко всей гряде. На наружной стороне рифа волны вставали и ломались, выбрасывая высокие космы пены. Внутри узкая вода казалась налитой в чашу: чуть покачивалась, но не подхватывала белых гребней. Между двумя состояниями проходила граница, почти правильная, слишком чёткая для обыкновенного затишья.

Элина поставила на камень сложенную куртку, чтобы не намочить лист, и быстро отметила направления по двум береговым выступам. Разность между ними не превышала нескольких градусов. Если завтра при другой воде граница сдвинется, можно будет искать объяснение в приливном течении. Если нет — придётся изучать форму подводной гряды.

— Разрешите один вопрос? — раздалось за спиной.

Возле неё стоял невысокий пожилой человек в серой куртке. Он нёс свёрнутую сеть и, кажется, удивился, увидев чужие приборы на мокром берегу.

— Вопросы разрешения не требуют, — ответила Элина.

— А у вас тут чему учат? Красные линии по морю рисовать?

— Помогают людям не сажать лодки на камни.

— Хорошая наука. Только здесь всякий знает, где камень.

— Орвен вчера тоже знал?

Пожилой моряк помрачнел.

— Орвен спешил. Знание от спешки не лечит.

Он подошёл ближе, глянул на её карандашные отметки.

— Вы возле старой чаши стоите.

— Какой чаши?

Мужчина показал на низкое основание с круглым углублением. Элина до сих пор считала его остатком сигнального знака. Из трещин выступал серый лишайник, на дне углубления лежала дождевая вода с тёмным осадком.

— Там когда-то огонь держали, — сказал он. — Теперь железо сняли. Если нужен свет, с Ясеня бывает виден малый, через дальнюю воду. А в сильный вал и до его берега не доберёшься.

— Это был навигационный знак?

Он почесал щёку.

— Для навигации ставят выше. Чтобы видели издалека. Этот берег держал, когда зажигали.

Элина посмотрела на море.

— Камни волну держат. Свет показывает, куда идти.

Мужчина покачал головой.

— Вы там на материке всё одинаково устроили?

— Не всё. Поэтому я здесь.

Он усмехнулся, но глаза остались внимательными.

— Тогда спрашивайте не у меня, а у тех, кто запомнил свет. Я в те годы мальчишкой был. И без нужды о плате при людях не говорите.

— О какой плате?

С берега позвали мужчину. Он поднял руку, словно разговор неожиданно закончился по совершенно бытовой причине.

— Мне сети сушить. Сегодня верёвки порвёт, если не уберу.

Он ушёл по каменным ступеням, не назвав имени.

Элина посмотрела ему вслед. Слова о плате могли относиться к топливу, к работе смотрителя, к особому сбору рыбачьих семей. Она записала вопрос, не пытаясь дать на него ответ. Пока её интересовала прежде всего вода.

***

Лисса нашла её у камня, когда времени оставалось совсем мало.

— Капитан велел передать: на судно. Вода уже уходит.

— Я успею только снять ещё один пеленг.

— В таком случае вам придётся успеть его снять на ходу.

Элина закрыла футляр.

— Там основание старого огня.

Лисса взглянула на камень.

— Знаю.

— Почему сняли крепления?

— Не знаю. Тове, может, скажет. Она эти железяки знает по именам, наверное.

— Кто такая Тове?

— Механик. Спросите, когда вернёмся. Только при ней не называйте любое железо железякой — заставит учить устройство до весны.

Элина невольно улыбнулась.

Они пошли к причалу, осторожно выбирая сухие ступени. Над Заводью висел запах горячей смолы; кто-то чинил лодку Орвена, уже вынимая расколотые доски с носа. Рыбак стоял рядом и что-то горячо доказывал плотнику. Увидев Элину, он вскинул руку.

— Госпожа с лотом! Когда нам новый проход откроют?

— Когда промерим на разной воде.

— А если улов сегодня нужен?

— Тогда по старому безопасному проходу, если капитан разрешит. Но по моей черновой линии пока не ходите.

Орвен скорчил лицо.

— Вы все любите слово «пока».

— Это лучше слова «поздно».

Он рассмеялся и вернулся к плотнику. Лисса посмотрела на Элину с одобрением, но промолчала.

На шхуне уже готовились к отходу. Даниэль стоял у рубки и следил, как буксир оттаскивает повреждённую лодку к защищённой стенке. Он махнул рукой в знак подтверждения, затем посмотрел на часы.

— Десять минут превратились в двадцать.

— Я потеряла время на старом основании, — ответила Элина.

— Старое основание останется там завтра. Прилив — нет.

— Знаю.

— Тогда садитесь. И держите карту поближе, будем выходить с поправкой на снос.

Элина не стала оправдываться. Здесь его упрёк был точен.

***

На обратном пути «Предел» прошёл через внутреннюю бухту уже после начала падения воды. Лисса держала судно в проверенной глубокой части фарватера. Элина не возражала и не просила повторять опасный подход к рифу ради одного незаписанного числа.

Они двигались медленно, потому что у каменной гряды течение изменило направление. Вода стягивалась к узкому южному горлу. На месте недавней гладкой полосы появлялись мелкие завихрения, но её дальняя граница по-прежнему выглядела странно ровной.

Элина стояла у рубки с блокнотом. Ветер вырывал страницы. Она придерживала их ладонью, пока Лисса указывала очередной створ. Даниэль не вмешивался в её расчёты, но несколько раз спрашивал, что именно она отметила.

— Здесь скорость воды отличается от расчётной, — сказала Элина. — Возможно, под скалой есть глубокий карман.

— Если карман, его нужно проверить на малой воде, — отозвался он.

— Да.

— И при другой фазе ветра.

Она подняла глаза.

— Почему?

— Потому что я видел этот участок в августе. Когда нет огня, его иногда заливает поверх камней. Не похоже на тихую лагуну.

— Навигационный свет же горит постоянно.

Даниэль не ответил сразу. Лисса, занятая рулём, тоже промолчала.

— Есть разные огни, — сказал наконец капитан. — Масляный показывает дорогу. Остальные включают не каждый день.

Элина вспомнила слова Ивара о защитном оборудовании.

— Я хотела бы посмотреть устройство.

— Когда у вас будет рабочая причина и когда маячный смотритель допустит. Сейчас наша причина — две живые семьи на берегу и вернувшееся судно.

Он не повышал голоса, но разговор ясно был закончен.

На подоконнике рубки высыхал черновик Элины. Красная линия на нём оставалась окружённой вопросительными знаками. Даниэль посмотрел на неё и сказал:

— Линию сохраняйте. Только предупреждение сделайте крупнее.

— Какое?

— Что завтра её придётся проверять снова.

Элина кивнула и достала карандаш.

Заводь уходила за кормой, укрытая камнями, а впереди над северным мысом Варны ещё горел слабый навигационный огонь «Края». Он был почти незаметен при дневном свете. Вечером он снова станет самым ясным предметом на тёмном берегу.

***

Тихая Гавань встретила их гудками портового буксира. Паром с грузом стоял на внутреннем рейде, ожидая свободного причала; возле складов рабочие разгружали бочки под брезентом. На часах было уже поздно для новых промеров. Даниэль передал дежурному сведения о рыбаках, отметил расход топлива и отправил двух матросов отдыхать: ночью им предстояла смена наблюдения за погодой.

Элина вышла на берег с такой усталостью, что не сразу сумела застегнуть сумку. Пальцы болели после холодного троса. Она была довольна лишь одним: ни один прибор не пострадал.

У спасательной станции сидела женщина в рабочем комбинезоне, разбирая железную скобу. Волосы её были коротко подстрижены, из-под ногтей чернело масло. Она подняла глаза, когда Лисса окликнула её:

— Тове! У нас гостья интересуется вашими старыми камнями.

— Гостье лучше сначала согреться, — ответила женщина. — Потом задавать вопросы.

— Это Элина Арден, картограф. Элина, Тове Норд. Она считает, что все рифы держатся исключительно потому, что её ещё не попросили их починить.

— Неправда, — сухо сказала Тове. — Некоторые держатся потому, что я туда не подпускаю портовых начальников.

Она положила скобу на доску, предложила Элине сесть, но та осталась стоять.

— На Рифном есть каменное основание с круглой выемкой. Без железных креплений. Там мог быть огонь?

Тове приподняла брови.

— Мог. И был. Таких оснований в воротах несколько. Почему спрашиваете?

— Я наблюдала спокойную воду рядом с ним. Даже при ветре.

— Риф даёт тень от волны. Вы ведь должны это знать.

— Знаю. Только граница спокойного участка слишком ровная. Возможно, подводный склон совпал с направлением течения.

Тове посмотрела на Даниэля. Тот стоял возле двери и молчал.

— Вы мерили глубину в самом углублении? — спросила механик.

— Нет. Только рядом.

— Тогда не стройте красивых причин. Там под камнями старые крепления, часть сняли много лет назад. Я могу показать чертёж, если порт даст разрешение.

— Почему разрешение?

— Потому что ремонтные книги теперь лежат не у меня. Мне оставили железо. Бумагу забрали.

Это был ответ, который Элина не ожидала услышать. Она уже привыкла, что документы хранят в архивах. Но чтобы мастеру не оставили копии собственных схем — это казалось странной экономией.

— А вы знаете, кто снял крепления? — спросила она.

— Нет. Я тогда только училась. Знаю, что мне с тех пор приходится выбирать, какие скобы ещё выдержат зиму.

Тове встала, потянулась и поморщилась: спина затекла после работы.

— Если вам нужны мои размеры — приходите утром. Сегодня у меня один болт, который вылезает из резьбы, как портовый начальник из совещания.

Лисса тихо засмеялась. Даниэль не улыбнулся, но Элина заметила, что его плечи немного расслабились.

***

Вечером над Тихой Гаванью поднялся новый ветер. Он шёл с северо-запада, заставляя дым из труб ложиться над крышами почти горизонтально. Из-за наружной стены порта доносились глухие удары волн. Внутри бухты вода всё ещё оставалась достаточно спокойной, но на мелком причале её уже бросало на камень с неприятным звуком.

Элина сидела в комнате портового дома, разложив черновики на кровати. Стол был слишком мал для двух карт и журнала промеров. Она приколола один лист к стене, используя булавки из дорожного набора. На другом отметила время каждого сегодняшнего измерения. Рядом с гладкой полосой поставила три гипотезы: скрытый подводный уступ, особая форма рифа, изменение поверхностного течения.

Четвёртой гипотезы не было. То, что на островах говорили об огне, ещё не давало права считать его причиной. Ей требовалось сравнить наблюдения при работающем и погашенном устройстве, если такое сравнение вообще позволят провести.

Постучали.

На пороге стояла Тамна с тарелкой горячего супа и маленькой лампой.

— Вы не спускались к ужину.

— Работала.

— Это я заметила. Ваша работа видна даже из коридора. Карты уже по всей комнате.

— Одну скоро сниму.

— Лучше снимите сапоги. От них у меня грязь на ступенях.

Элина послушно расшнуровала сапоги. Тамна поставила лампу на стол, посмотрела на карту.

— Вы сегодня наших ребят привезли с Рифного?

— Капитан Вейр и команда. Я делала промеры.

— Все говорят, что без новой линии не прошли бы к ним.

— Все преувеличивают.

Тамна хмыкнула.

— У нас любят преувеличивать только удачу. С бедой наоборот: будут говорить, что сами виноваты.

Элина взяла ложку.

— Вы часто видите спасателей?

— Часто. Лучше бы реже. Они приходят голодные, мокрые и каждый раз думают, что можно погреть руки над печью пять минут и вернуться в море. А потом я им объясняю, что руки сами себя не накормят.

Она уже собиралась уйти, когда Элина спросила:

— Вы знаете, что такое малый огонь?

Тамна остановилась.

— Есть навигационные. Есть другие. Зачем вам?

— Хочу понять, что защищает берег от наружной волны.

Хозяйка посмотрела на неё иначе. В дверях стало тихо, слышалось только, как за окном стучит незакреплённая жестянка.

— Такие вещи спрашивают у маячного смотрителя, — сказала она.

— Мне все советуют спрашивать у другого человека.

— Иногда другой человек успел прожить здесь дольше.

Она поправила передник и ушла. Элина осталась с супом, который успел остыть, и ещё одним не вполне ясным ответом.

***

К следующему утру ожидали усиления ветра. Об этом знали все: барометр опустился, рыбацкие лодки тянули выше на берег, портовые работники ставили дополнительные подпорки у дверей складов. В городе всё делали без торжественности. Зима на Нордвале не требовала объявления о собственном приходе.

Элина спустилась к станции перед сном — ей нужно было вернуть капитану копию промерного журнала. Даниэль стоял у открытого шкафа и считал спасательные концы. На стене висел лист с погодной сводкой; внизу жирно было обведено слово «северо-запад».

— Завтра наружных промеров не будет, — сказал он, увидев её.

— Я уже догадалась.

— Зато можно заняться архивом.

— Я бы начала с Тове. И с того, что когда-то стояло на рифах.

Даниэль закрыл шкаф.

— Идите. Только учтите: старый маячный огонь не починят карандашом.

— Карандашом можно выяснить, куда подвести лодку с механиком.

Он посмотрел на неё, будто хотел ответить, но сдержался.

На столе лежал список, которого утром там не было. Вверху значилось: «Маячные дома. Подготовка к штормовому свету». Ниже шли три строки с фамилиями. Даниэль заметил её взгляд и перевернул лист.

— Это служебное, — сказал он.

Элина не успела прочесть ничего, кроме названия. Она подумала, что речь о сменах смотрителей: в шторм башне требовалось много людей. Но капитан держал руку на перевёрнутой бумаге слишком долго, словно она была тяжелее спасательных канатов.

— Спокойной ночи, госпожа Арден.

— Спокойной ночи, капитан.

По пути назад Элина остановилась у кромки причала. Вдали, на северном мысе, горел свет «Края», маленький и устойчивый. Ветер гнул деревья на берегу, волна ударяла в волнолом, а огонь не дрожал.

Она ещё не знала, почему после слов «маячные дома» люди на станции перестали шутить. Но записала название в блокнот рядом с завтрашней датой.

Глава 5. Шесть часов света

Даниэль проснулся от того, что перестал слышать дождь.

Он лежал в комнате над спасательной станцией, не открывая глаз, и прислушивался. В трубах потрескивала остывшая вода. За стеной дышал сонный город. Ветер за ночь повернул севернее и теперь давил ровно, без порывов. Такое затишье редко приносило облегчение: оно означало, что море собирает силу на другом участке берега.

На часах было пять утра пятого декабря.

Внизу у радиоприёмника дежурный держал кружку обеими руками. На столе лежала свежая сводка: давление падало быстрее, чем накануне, волна на северном входе росла. Дальний маячный пост уже запросил подтверждение готовности штормового света.

— Келл в порту? — спросил Даниэль.

— С четырёх часов. Ещё не ложился.

— Созови экипаж. Пусть проверят двигатель и оба запасных линя. Никто не выходит на внешнюю сторону без моего решения.

— Рыбаки Рифного спрашивали разрешения на промысел.

— Ответь: выход закрыт. Если хотят спорить, пусть приходят ко мне. До полудня успеют выругаться.

Дежурный усмехнулся и потянулся к микрофону.

Даниэль надел сухую куртку. У дверей станции лежали два ящика с одеялами и аварийным кормом; на одном кто-то мелом написал «Край». Маячный дом располагался на северном мысе Варны, куда со стороны порта приходилось идти долго по воде или ещё дольше по зимней дороге. До основного вала нужно было успеть доставить запасное масло, предупредить смотрителя о закрытии наружного подхода и проверить, где будут ждать два буксира.

В обычные зимы он начинал день с судна. Сегодня первым делом придётся идти к башне.

***

У причала Ивар Келл ругался с рыбацким старостой. У обоих были мокрые шапки, и каждый убеждённо указывал на море, но в разные стороны.

— Вы мне запретите выход, а потом скажете, почему мои люди не заплатили за соль и сети! — кричал староста.

— Если вы не вернётесь, я вообще не смогу спросить, почему вы не заплатили, — отвечал Ивар.

Даниэль прошёл между ними и взял у диспетчера расписание судов.

— Пятого декабря все наружные выходы закрываю по штормовой сводке, — сказал он. — До проверки после вала. Внутренний рейд — по отдельному разрешению с учётом топлива и осадки.

Староста выпрямился.

— Вам легко. Ваша зарплата идёт даже когда море заперто.

— Да, — ответил Даниэль. — И сегодня я на неё должен купить людям возможность вернуться живыми.

— Красиво сказано.

— Ничего красивого. У вас две лодки с мокрыми двигателями и одна без запасного радиоприёмника. Я видел их вчера.

Староста посмотрел на Ивара, явно надеясь найти поддержку.

— С этими лодками вы не пойдёте, — произнёс начальник порта. — Если нужна пища, будем обсуждать склад. Никакого выхода сегодня.

Тот ещё минуту кричал про несправедливость, потом ушёл. Даниэль смотрел ему вслед и понимал: завтра староста вернётся. Вопрос о хлебе никуда не исчезнет после запрета.

— Сколько осталось топлива для «Предела»? — спросил он.

— Достаточно для стоянки у северного подхода и одной внутренней буксировки. Полный запас обещают на другом пароме.

— Обещания в бак не льются.

— Я знаю, Даниэль. Каждое утро вижу это собственными глазами.

Ивар протянул лист с разрешением идти к маячному причалу до ухудшения погоды. У пристани уже ждали три человека в тёмных пальто. За ними стоял чиновник с деревянным ящиком, аккуратно прижавший его к груди. Даниэль узнал одну женщину: Мейда Хольм, торговала сетью и мелкой солью на Рифном. Двух других — Тарена и Юнну — он видел прежде, когда им требовались разрешения на зимний промысел.

Все трое выглядели усталыми и удивительно спокойно держали руки.

— Их повезут? — спросил Даниэль тихо.

Ивар кивнул.

— Смотритель подтвердил необходимость полной меры.

— Врач проверял?

— Документы подписаны.

— Я спросил о враче.

— Медик должен быть у «Края». Не начинай здесь.

Даниэль посмотрел на Мейду. Она была женщиной лет сорока с небольшим, крепкой и упрямой. У её ног стоял небольшой узел с запасной одеждой.

— Вы можете остаться в порту до уточнения сводки, — сказал он.

Мейда подняла голову.

— Нам велели к рассвету.

— Я знаю, что вам велели.

— Тогда зачем спрашиваете? — Она стиснула ручку узла. — У меня сын к весне должен получить место на промысловом судне. Если мы сорвём очередной сбор, ему не продлят причал. Я не могу ждать, пока люди с жалованьем решат, нужна ли вода у нашей деревни.

Даниэль почувствовал знакомый холод внутри. Он слышал похожие слова не раз. В каждом случае обещал себе, что потом разберётся с несправедливыми условиями. После шторма всегда находились новые дела: сломанные причалы, раненые, пропавшие грузы, семьи без крова.

— Я поговорю со смотрителем, — сказал он.

Мейда смотрела без надежды.

— Поговорите. У нас на Рифном уже много лет разговоры почти бесплатные.

***

К «Краю» шли в сером утреннем свете. «Предел» оставил позади портовые склады, миновал внутренний рейд и приблизился к северному берегу Варны спустя больше часа. На подходе течение тянуло судно к каменной стороне ворот; Лисса держала курс на защищённый маячный причал и каждые несколько минут называла фактическую глубину. Ветер был уже достаточно силён, чтобы исключить прямой заход с моря.

Элина тоже находилась на шхуне. Она просилась лишь до северного поста, чтобы осмотреть береговые знаки и сверить наблюдения по ночной волне. Даниэль сначала хотел отказать: в штормовую подготовку посторонний человек только добавляет забот. Но её замеры могли объяснить, какие внутренние проходы останутся пригодными после начала ветра. Он согласился при условии, что она не уйдёт от команды без предупреждения.

— Я собираюсь работать с берега, — сказала она.

— И берег может оказаться небезопасным.

— Поэтому и договорились.

По дороге Элина смотрела в бинокль на рифовую линию. Четыре мили между Варной и Рифным выглядели значительно уже, чем на карте: туман сжимал пространство. Снаружи волны шли высокими рядами, иногда скрывая за гребнями далёкий камень. Внутри пока держалась тяжёлая зыбь.

— Маяк действует на весь проход? — спросила она.

— На четыре мили, когда включён штормовой венец, — ответил Даниэль.

— Каким способом?

Он не сразу нашёл ответ, которым мог бы обойти вопрос, не солгав.

— Скоро увидите.

Она посмотрела на него с раздражением. В обычном разговоре это могло быть насмешкой. Сейчас за его короткой фразой стояло то, что он собирался показать ей без подготовки: люди, за несколько минут теряющие годы жизни.

Он подумал, что должен предупредить. Но тогда придётся объяснить, почему сам помогал доставлять этих людей к башне. Даниэль смотрел на тёмную воду за бортом и молчал.

***

Внутри маячного дома пахло мокрой шерстью, железом и раскалённым маслом. По узкой лестнице поднимались служители с фонарями. Где-то наверху стучала машина, вращавшая обычный навигационный свет. Ниже, в каменной комнате, стояла широкая чаша с матовыми делениями по краю. Она была неподвижной частью самого основания: её нельзя было вынести или заменить принесённым с берега сосудом.

Элина подошла к дверному проёму и остановилась. В камне мерцал не огонь, а слабое внутреннее свечение, едва заметное в полумраке.

— Что это за устройство? — спросила она.

Старший смотритель, мужчина с изрезанными морщинами щеками, посмотрел на Даниэля. Тот кивнул.

— Защитная чаша «Края», — ответил смотритель. — Когда внесена мера, её свет разворачивает наружный вал от входа в бухту.

— Что значит «мера»?

Никто не ответил сразу.

Даниэль видел, как Элина переводит взгляд с чаши на людей, ждущих возле стены. Мейда Хольм сидела на скамье. Тарен держал куртку на коленях, Юнна нервно трогала застёжку воротника. Рядом стоял чиновник с журналом и пером.

— Сколько требуется? — спросил смотритель.

— По расчётному окну шесть часов, — ответил Даниэль. — Четыре мили защиты.

— Значит, двадцать четыре года.

Элина повернулась к нему.

— Двадцать четыре чего?

— Человеческих года, — сказал он.

Она посмотрела на него так, словно не поняла услышанных слов.

— Вы говорите о деньгах?

— Нет.

И здесь уже нельзя было отступить к безопасному профессиональному языку. Он видел её лицо и понимал, насколько страшно звучит обычная для его работы фраза.

— Чаша берёт биологическое время, — произнёс Даниэль. — У человека, который касается её и называет срок. Восемь лет с каждого из трёх хранителей. Это обеспечит четыре мили на шесть часов.

— Это шутка?

— Нет.

Элина подошла к чаше, не касаясь её. На камне были отметки, расположенные равномерно, как на измерительном приборе. Она заметила следы давних прикосновений на краю, где поверхность была отполирована ладонями.

— Человек стареет на восемь лет? За несколько минут?

— Да.

— А вы его потом лечите?

— Лечим, если здоровье ухудшается. Годы вернуть нельзя.

Она резко отвернулась к смотрителю.

— Тогда почему здесь нет врача до начала?

Мужчина показал на дверь: медик действительно стоял у лестницы и разговаривал с помощником. Но в комнате, где люди должны были коснуться камня, его не было.

— Пусть сначала осмотрит их, — сказала Элина.

Чиновник поднял голову.

— Врач уже поставил отметку.

— Я спрашиваю не об отметке.

Даниэль поймал себя на желании приказать всем замолчать. Не потому, что Элина была неправа, а потому что шторм нарастал, время уходило и каждая новая минута могла оставить порт без защиты. Он посмотрел на окно. За толстым стеклом было почти чёрно от дождя.

— Дайте медику пройти, — сказал он смотрителю. — Он должен видеть людей до дара.

Тот колебался, потом кивнул. Даниэль не знал, поможет ли хоть кому-то этот маленький порядок. Но уже не мог стоять и делать вид, что всё, происходящее в комнате, не касается спасательной службы.

***

Первой подошла Мейда.

Чиновник открыл журнал и назвал её фамилию. Женщина поправила платок, осмотрела свои руки, как перед тяжёлой работой, и положила ладонь на каменный край.

— Восемь лет, — сказала она.

В чаше вспыхнуло холодное золотистое свечение. Его было достаточно, чтобы увидеть, как по рукам Мейды побежали мелкие изменения: кожа стала суше, проступили новые складки возле суставов. Она побледнела и на секунду потеряла равновесие. Медик подхватил её под локоть.

Элина не двигалась.

Мейда сидела на скамье, задыхаясь, а чиновник уже записывал результат.

Тарен подошёл вторым. Он попытался пошутить: мол, борода у него и без маяка седеет, хуже не будет. Никто не засмеялся. Когда он назвал срок, его плечи заметно опустились, а лицо стало таким усталым, будто он много дней не спал. Он отвернулся от окружающих, не желая, чтобы кто-то смотрел, как у него дрожат губы.

Юнна долго не подходила.

— Мне сказали, что после этого лодку отца не снимут с причала, — произнесла она. — Это точно?

Чиновник поднял журнал.

— У вас подписано согласие на маячное служение.

— Я спросила про лодку.

Даниэль услышал, как смотритель тяжело вздохнул. Он знал, что Юнна не уйдёт сейчас добровольно в том смысле, который принято вкладывать в это слово. Её семья зависела от причала, от топлива, от зимних разрешений. Магии было всё равно, почему она коснётся камня.

Элина шагнула вперёд.

— Вы можете не делать этого, — сказала она.

Юнна повернулась.

— А вы сможете дать отцу место для лодки?

Элина открыла рот и снова закрыла. Ответ был очевиден. Она не могла.

Даниэль почувствовал, как её взгляд обжигает его даже сильнее вопроса Юнны. Он мог вывести женщину из комнаты силой капитанского приказа? Нет. Имел право требовать оставить порт без штормовой защиты? Тоже нет. Но он мог хотя бы сказать, что услышал угрозу, и не прятаться за словами о необходимости.

— Я поговорю с Иваром о разрешении, — произнёс он.

— Потом? — спросила Юнна.

— Сегодня.

Она посмотрела на чашу и кивнула сама себе. Подошла, положила руку и произнесла:

— Восемь лет.

После дара она опустилась на скамью рядом с Мейдой. Волосы возле висков поседели, кожа на шее стала тоньше. Её лицо не превратилось в старческую маску — она оставалась собой, только уставшей и странно отдалённой от собственного утра.

В камне стало ярче. Смотритель объявил:

— Мера внесена полностью. Двадцать четыре года.

Элина повторила шёпотом:

— Двадцать четыре.

Даниэль вышел в коридор, чтобы не видеть, как чиновник закрывает журнал с удовлетворением человека, закончившего сложную ведомость.

***

Штормовой венец включили за несколько минут до полудня.

Снаружи ветер гнул редкие деревья на склоне Варны. В каменной комнате смотритель повернул тяжёлый рычаг. Свет пошёл вверх по узкой шахте и развернулся кольцом над башней. Он был не похож на обычный маячный луч: не вращался, не рассекал туман полосой. На миг вокруг оголовка «Края» возникла широкая бледная дуга, точно воздух над морем стал плотнее.

Внешний вал пришёл к Игольным воротам несколькими огромными рядами. Даниэль смотрел с площадки маячного дома, как ближайший гребень поднялся выше каменной скалы и вдруг накренился в сторону пустынных северных рифов. Вода не исчезла. Она ударила по камням далеко от бухты, взметнув белую стену. Следующий гребень повторил путь. Между ними порыв ветра сорвал с площадки лёгкую деревянную щепу, и она пронеслась мимо лица капитана.

Элина стояла рядом, вцепившись в поручень. Она смотрела не на свет, а на границу, по которой менялось направление волн.

— Четыре мили? — спросила она.

— Да.

— А за пределами?

— Там всё как было. Медный этим не прикроешь.

Она не ответила. Достала из кармана блокнот, но пальцы тряслись от холода и гнева так сильно, что карандаш дважды упал на камень.

— Это можно измерить, — сказала она наконец.

Даниэль посмотрел на неё. Сейчас он не был готов слышать слово «измерить»: три человека в соседней комнате лежали под одеялами и старели у него на глазах.

— Можно, — ответил он. — Если не пойдёте на наружную площадку.

— Я не сумасшедшая.

— Это сегодня меня радует.

Он не хотел шутить, но привычная короткая фраза вышла сама собой. Элина посмотрела так, что ему стало стыдно.

***

«Предел» оставался у защищённой стороны северного мыса. После включения венца Даниэль вернулся на судно и проверил сообщения портового радио. Рыбацкая лодка у внутреннего причала не успела вернуться до штормового сигнала; её двигатель отказал на мелкой воде. Теперь сильный ветер прижимал её к каменной стенке. Капитан не стал вести шхуну навстречу наружному валу. Лисса предложила пройти по прикрытому внутреннему участку, взять лодку на короткий буксир и вернуться к маячному причалу до усиления обратной зыби.

— Дойдём? — спросил Даниэль.

— До первого поворота — да. Дальше не знаю. Посмотрим по фактической воде.

Он кивнул.

Шхуна пошла вдоль склона, где свет отворачивал главные гребни от входа. Но ветер всё равно сбивал людей с ног. Дождь хлестал почти горизонтально. Матросы работали пристёгнутыми, а на корме запретили стоять без страховки.

К застрявшей лодке подошли с подветренной стороны. Элина не была на судне: Даниэль оставил её у маячного дома вместе с наблюдателями, где она могла сравнивать линию гребней, не мешая буксировке. Радио хрипело. Лисса дважды попросила повторить команду, прежде чем повернула руль.

В нужный момент судно почти остановилось. Матрос подал буксирный конец, второй выбрал слабину. Рыбаки успели перебраться на безопасный борт до того, как их лодку окончательно прижало к камню. Буксировать её в море Даниэль не стал: корпус протекал, и риск для людей был неоправдан. Лодку закрепили к стационарному кольцу для подъёма после шторма.

— Потеряем, — сказал её хозяин.

— Возможно, — ответил капитан. — Но сейчас не потеряем вас.

Мужчина выругался, потом расплакался от злости. Даниэль не стал обнимать его или говорить, что всё будет хорошо. Он попросил матроса принести сухую куртку и чай.

Возвращались медленно. На открытой стороне ворот вода грохотала о камни так, что дрожали стёкла рубки. Внутри бухты оставались сильный ветер и мелкая злая волна, но того вала, который разбил бы суда о внутренний причал, не было. Чужие годы действительно покупали спасение.

Даниэль знал цену этому зрелищу лучше большинства. И оттого не мог смотреть на море без благодарности к тем, кто за него заплатил, и одновременно без стыда.

***

К вечеру на «Крае» в каменной чаше осталось меньше меры. Смотритель отмечал расход по часам. Каждый защищённый час забирал четыре человеческих года; через четыре часа в чаше оставалось восемь. Даниэль проверил показания, когда пришёл с судна за свежей сводкой. Погода ещё держалась тяжёлой, и прекращать венец было рано.

В соседней комнате Мейда лежала с закрытыми глазами. Тарен пил тёплую воду мелкими глотками, Юнна пыталась завязать шнурок на ботинке, но пальцы её плохо слушались.

Элина сидела у окна, не снимая пальто. На коленях лежал блокнот. В нём было много чисел и ни одного вывода.

— Вы видели, что произошло? — спросил Даниэль.

— Видела.

— И что думаете?

Она посмотрела на Юнну. Та наконец завязала шнурок, но сразу распустила узел и начала снова, словно не верила собственной работе.

— Думаю, у вас в городе слишком много людей умеют говорить слово «добровольно», не глядя в лицо тому, кто отвечает.

Даниэль выдержал её взгляд.

— Да.

— И вы знали.

Он не стал прятаться за словом «традиция».

— Знал.

— Давно?

— Достаточно, чтобы не иметь оправдания.

Она закрыла блокнот.

— Если я вам сейчас скажу погасить венец, вы погасите?

— Нет.

— Почему?

— Потому что вал ещё стоит за воротами. За стеной лежат лодки, дома и люди, которые не выбирали, когда придёт шторм.

Элина сжала пальцы на обложке.

— А эти трое выбирали?

Он не ответил. Никто из них не заслуживал лёгкого ответа.

***

Штормовой свет держался ровно шесть часов.

Когда внешняя волна начала спадать, смотритель дождался подтверждения береговых постов и уменьшения фактической высоты вала. Затем выключил защитный венец. Над башней снова остался только обычный масляный навигационный огонь. Гребни за воротами ещё бились о рифы, но уже не поднимались прежней стеной.

В каменной чаше не осталось ни одного деления запаса.

Даниэль проверил цифры: двадцать четыре человеческих года были внесены, двадцать четыре израсходованы. Сначала ему показалось, что в этой точности есть хотя бы утешение: маяк не потребовал лишнего. Потом он увидел, как Мейду выносят к повозке под тёплым одеялом, и от мысли об утешении стало тошно.

У лестницы стоял врач и просил немедленно доставить Тарена в лечебницу. У мужчины сбилось дыхание, он не мог самостоятельно пройти вниз. Юнна отказалась от сопровождающего, потом на последней ступени всё же протянула руку матросу. Никто из них не стал благороднее от случившегося. Они только постарели.

Элина подошла к Даниэлю возле дверей.

— Где их семьи?

Он назвал Рифный и Заводь, объяснил, куда отправят людей после осмотра.

— Мне нужно поговорить с ними, — сказала она.

— Сейчас они устали.

— Тогда когда смогут. Я хочу понять, как их вызвали. И кто решил, что восемь лет — честная цена именно с этих людей.

Даниэль посмотрел в сторону тёмных окон.

— Совету это не понравится.

— Я работаю не над тем, чтобы нравиться совету.

— Вы работаете над картой.

— А карта, оказывается, ведёт прямо к этому дому.

Она ушла вниз по лестнице, придерживаясь за влажный камень. Даниэль остался у порога и смотрел на пустую чашу, пока смотритель не попросил освободить проход для носилок.

Внизу, в сумерках, море ещё грохотало. В Тихой Гавани люди уже разбирали повреждённую кровлю рыбного склада, где венец не мог остановить ветер. Спасатели спорили, какую лодку вытаскивать первой. Каждый делал работу, без которой завтра станет хуже.

Даниэль вышел к ним. Его обязанности никуда не делись. И ни одна из них не давала ответа на вопрос Элины.

Глава 6. Трое постарели

Тарен не узнал свои руки.

Он лежал на узкой кровати в лечебнице Тихой Гавани и долго рассматривал пальцы. На правом указательном осталась старая синеватая отметина — когда-то придавил его ящиком с крючками. Всё остальное выглядело чужим: кожа возле суставов стала тонкой, ногти потускнели, сосуды проступили слишком ясно.

— Они были другие, — сказал он.

Лекарь, женщина с заправленными под колпак седыми волосами, не стала убеждать его в обратном. Она присела, проверила пульс и спросила, не кружится ли голова. Потом поправила одеяло.

— Зовите, когда захотите воды. С кровати пока не вставайте.

— Мне утром к дочери надо. Она одна сети принимает.

— Утром посмотрим.

— Все вы это говорите, — пробормотал Тарен.

Элина стояла у двери и слышала, как врач отдаёт помощнику распоряжения. Её впустили после долгого разговора: не как ревизора, которого никто не имел права задерживать, а как человека, присутствовавшего при происшествии и попросившего разрешения поговорить с пациентами. Тарен согласился. Остальные пока спали или не хотели никого видеть.

Была ночь с пятого на шестое декабря. За окнами шёл дождь, и капли стучали о металлический подоконник с такой ровностью, будто в дальнем дворе работали часы. Лечебница располагалась недалеко от порта, в длинном одноэтажном доме. В маленькой приёмной лежали мокрые рукавицы моряков, пахло йодом и горячим хлебом. После штормов сюда привозили не только больных, но и тех, кто не успел согреться дома.

Элина подошла к Тарену.

— Меня зовут Элина. Я была на маяке, когда вы передавали время. Можно задать вопрос?

— Если про восемь лет, я их не потерял по дороге. Знаю, где оставил.

— Вы помните, как чувствовали себя до этого?

— Нормально. Спина ныла, но у меня она всегда ноет.

— А теперь?

Тарен поморщился.

— Устаю дышать. Будто вчера много курил, хотя не курю уже года три.

Она заметила, что он старается отвечать без жалоб. Ему, вероятно, не хотелось становиться примером для чужой карты.

— Я могу записать ваши слова? — спросила Элина.

— Записывайте. Только имя не отдавайте в газету, если будет такая.

— Без вашего разрешения не стану.

Он кивнул и закрыл глаза. Через минуту снова открыл.

— На тумбочке тетрадь. Видите?

Там лежал свернутый лист, перевязанный ниткой.

— Дочери передайте, если пойдёте к Рифному. Смена сетей. Мне нужно было подписать, что всё принято, иначе ей не отдадут расчёт.

Элина взяла листок, но не стала разворачивать.

— Я могу передать через проверенную переправу. А сами сможете написать ей?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.